25 9/38

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 372035 М г.

25 9/38

2346/3

Органы и учреждения для беспризорных детей.

Как и помощь бедным вообще, так и помощь бедным бездомным детям, в историческом своем развитии была первоначально в руках частных благотворительных обществ, отдельных благотворителей, священников, церковных приходов, религиозных сообществ, занимавшихся этим делом как из сострадания к нужде, так и по религиозным мотивам—для спасения души. С течением времени помощь начинает оказываться не только бедным детям в тесном смысле этого слова, но и детям обиженным, эксплоатируемым, об'ектам жестокого обращения и т. д. Начинается определенная специализация задач и целей разных обществ и организаций: „Общества спасения падших девушек", „Общества защиты детей от жестокого обращения", „Капли молока", Детские ясли", Помощь кормящим матерям", „Попечения над малолетними преступниками", помощь слепым, глухим, глухонемым и т. д., и т. д.

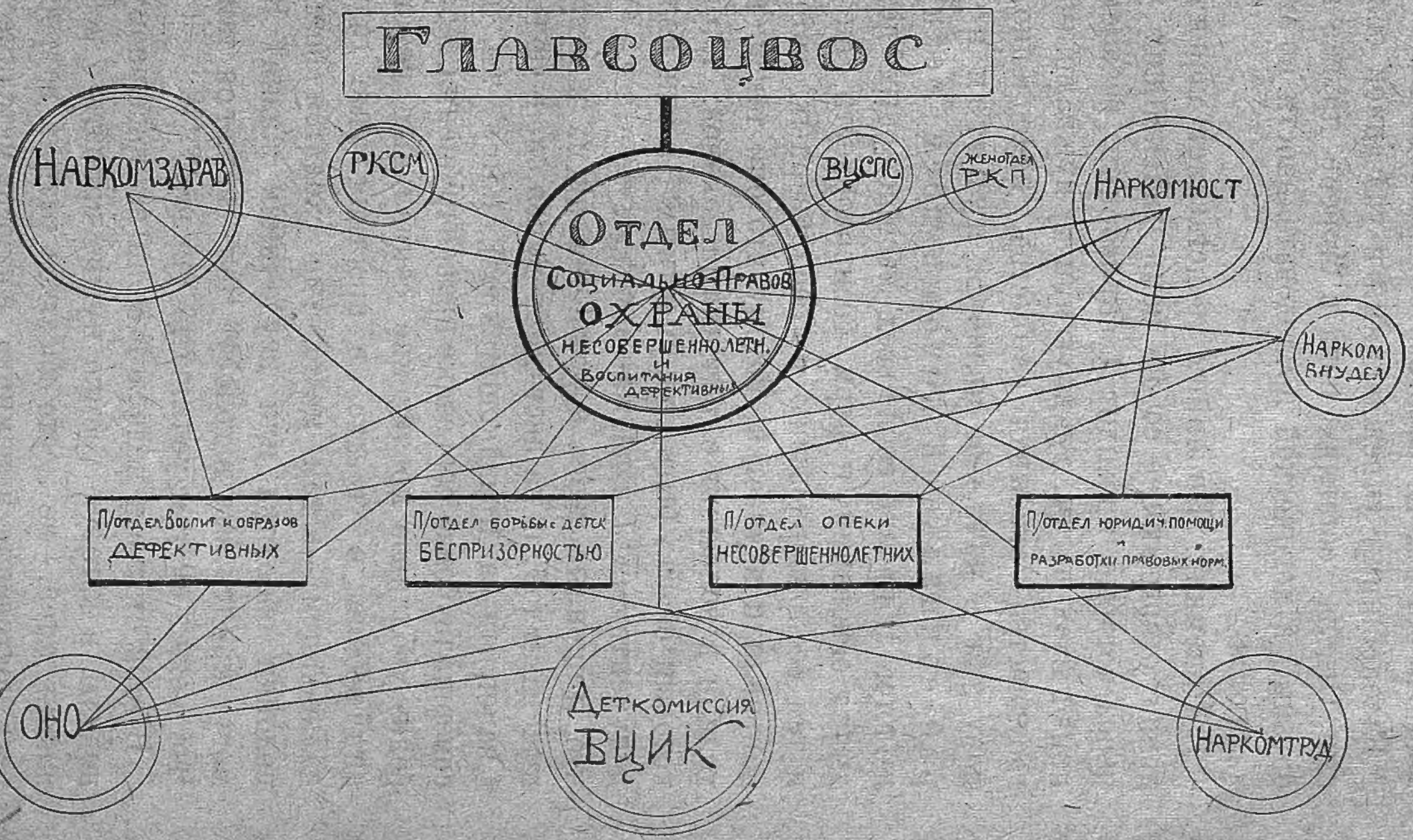
С течением времени, когда социальные и экономические условия осложняются, взаимоотношения людей, жизнь становятся сложнее, уродливые последствия уродства государственного строя становятся выпуклее—крепнет и усиливается сознание, что защита и охрана слабейших из слабых, безпомощных детей—дело государства. Повсеместно появляются государственные органы охраны жизни и интересов детей.

В Советской России после революции, когда мощно прозвучал лозунг—„кто был ничем, да станет всем", из всех подвалов, чердаков, сырых и гнилых развалин, тесных, разрушенных каморок выползли маленькие, бледненькие, не знавшие радостей жизни, лишенные солнца, света

и воздуха, прежде-временные старички со сморщенными личиками, гноившимися грустными глазками и скрюченными ручками и ножками. Эта армия заброшенных, забытых детишек заняла барские особняки и имения; этой массе детворы, тысячам, миллионам жизней было посвящено безконечно великое внимание не только советских органов, но и всех тех, кто не мог не чувствовать всего ужаса того строя, который оставлял гнить в подвалах беспомощных, слабеньких детей.

С 1920 г. органом, в котором сосредоточивалась вся работа по борьбе с детской беспризорностью, по устройству детских домов, по правовой защите детей, по помощи детям бесприютным, ставшим на пути правонарушения, детям умственно-отсталым, калекам и т. д.—стал Отдел Охраны Детства в Секторе Социального Воспитания Наркомпроса—выросший из первоначального Отдела Детских Домов Наркомсобеза. В состав Отдела Охраны Детства входили два Подотдела: 1) Подотдел Детских Домов, включавший в себя отделение детских домов для нормальных детей и отделение детских домов для „дефективных детей"—с секциями, обнимавшими работу со всеми видами дефективности, и 2) Подотдел правовой защиты детей, состоявший из отделений детской милиции, комиссий по делам несовершеннолетних и связанных с ними первичных учреждений, опеки, юридической помощи и т. д. В процессе дальнейшей реконструкции Наркомпроса и отдельных его частей и последующих небольших изменений центральный орган, ведающий социально-правовой охраной детей и подростков получил следующую форму: в состав Отдела Социально Правовой Охраны несовершеннолетних и воспитания дефективных входят Подотделы: 1) борьбы с беспризорностью, 2) опеки, 3) воспитания дефективных 4) юридической помощи детям с бюро разработки правовых норм при нем. Указанные центральные органы являются органами, дающими направление работе соответствующих местных органов и учреждений, вырабатывающими руководящие начала, общие директивы подчас совершенно новым формам работы. Пользуясь данными опыта и практики, учитывая выводы теории, науки, наблюдения специальных исследований,—Центр имеет возможность

Схема Отдела Социально Правовой Охраны
несовершеннолетних и воспитания дефективных



облекать в форму реальных конкретных уставов, инструкций, положений, и т. п. те советы, в которых нуждаются местные органы по работе с беспризорными.

Главнейшими учреждениями в указанной области (по линии Отдела, оставляя пока в стороне другие центральные органы), в логической последовательности по этапам работы являются:

I. Приемник. Приемник представляет первичное учреждение, открывающее собой цепь дальнейших учреждений, через которые проходит беспризорный ребенок. Оказывая приют всем детям, в данную минуту нуждающимся в помощи государства, оказывая ее быстро, немедленно, во всякую пору дня и ночи,—он является пунктом подачи скорой социальной помощи всем беспризорным детям. Вбирая в себя всех беспризорных детей, без различия оснований и форм беспризорности, он дает приют и тем беспризорнейшим из беспризорных, которых раньше направляли в участки, потому что они так или иначе приходили в конфликт с велениями законов: того ли закона, который обязал быть „документным", а они являлись „бездокументными" („задержан за бездокументность"), потому ли, что, лишенные крова и дома, искали их и в грязных уборных вокзалов, и на лестницах домов, и в подъездах и пр. („задержан за праздношатание"), потому ли, наконец, что совершали более серьезные правонарушения. Может ли быть более уродливое проявление социальных неустройств, как вид ребенка в участке, в арестном доме (и в тюрьме в дальнейшем)—в том месте, где сходятся большей частью подонки общества или неудачники жизни? Какие мысли могут придти ему в голову? Чему может он там научиться? Что может он там услышать? увидеть?

В этой статье, в неделю помощи беспризорному ребенку,—неделю, в которую громко нужно кричать о всех невзгодах жизни детей,—не место касаться разных вопросов внутреннего построения приемника, вопросов методических и принципиальных. Но в неделю помощи ребенку нельзя не вопить о том глубочайшем парадоксе, о той гримасе жизни, которую представляет собой ребенок в участке, ардоме, тюрьме. К сожалению, этот парадокс не пжит. Эта гримаса не

сошла еще с печального лица нашей действительности. Мы далеко ушли вперед от других стран, где сама идея необходимости приемников еще не осуществлена, где дети по самой системе борьбы с беспризорностью, задерживаясь полицией, отправляются в ардом, участок, пересыльную тюрьму, являющимися таким образом первым государственным учреждением, с которым сталкивается ребенок. Так например, в Берлине задержанные дети направляются в тюрьму при Polizei Präsidium. Там имеется специальное отделение, их содержат изолированно от взрослых. Помещение чистое, кормят хорошо. Но... тюрьма остается тюрьмой. 18 мальчиков, которых автор настоящих строк застал в момент осмотра тюрьмы сидели в одиночных камерах, с желтыми одутловатыми лицами и подозрительными синяками под глазами, предоставленные целый день самим себе, без книг без дел, без воспитателей. Девочки—проститутки, помещаются внизу в общем помещении, к ним на несколько часов приходит попечительница, они заняты „делом", т. е. чистят картошку и стирают белье.

II. В Советской России уже три года назад прозвучал лозунг создания детской инспекции—вместо общей милиции, приемников—вместо арестных домов для несовершеннолетних, комиссий по делам несовершеннолетних—вместо судов и учреждения для перевоспитания, для медико-педагогического воздействия—вместо тюрем. Но осуществлена ли эта идея, в полной мере? У нас имеется около 200 приемников. Достаточно ли это? Направляются ли задержанные дети в приемники даже в тех местах, где они имеются? Не сидят ли дети и подростки в ардомах и в комиссариатах милиции?

В неделю помощи беспризорному ребенку нужно не только всем иетересующимся этим делом, нужно самым широким слоям общества, всем, кому дорого физическое и душевное здоровье детей, призадуматься над тем, как важна эта сторона работы с беспризорными детьми. Должно быть создано достаточное количество приемников, с подразделениями для разных видов и категорий попадающих туда несовершеннолетних,—с изоляционными приемниками в больших городах и с изоляционными отделениями в небольших городах

для более запущенных подростков, задержанных за серьезные дела, до момента изучения и исследования необходимых для них мер воздействия.

Если первым учреждением в цепи всех потребных учреждений для беспризорных детей является приемник, то первым органом, (органом местной практической работы), среди всех видов работников этой области разной степени квалификации является Детская Социальная Инспекция. Первоначальное название этого органа—детская милиция—указывает на тот характер деятельности, который присваивался этому органу: он должен был первоначально заменить общую милицию в отношении детей, не ограничиваясь однако той узкой сферой деятельности, которая присуща общим органам охраны общественного спокойствия и безопасности. В отношении детей функции инспекции шире: на первый план выступают и задачи охраны самих детей, и помощи им, защиты их прав и интересов. Задачи, таким образом, профилактического характера. Если милиция выступает на сцену, когда правонарушение уже совершено, то задача Детск. Инспекции всеми силами и средствами предотвратить совершение правонарушения, предотвратить самое наступление состояния беспризорности—сохранить нормального ребенка нормальным, здоровым, здоровым физически и душевно, стоять на страже интересов детей, защиты их прав. Таким образом, объектом работы Детск. Соц. Инспекции является не только ребенок-правонарушитель, даже не только ребенок беспризорный, а все дети: всем детям несет Детская Социальная Инспекция помощь, (скорую, социальную помощь), защиту, охрану, при чем детский социальный инспектор в своей работе не ограничивается, как общая милиция, теми случаями, которые доходят до его сведения: он сам их выискивает, следит за положением ребенка в семье, в мастерских и т. д.

После учета двухлетней практики в 1921 г. явилась возможность декретировать работу и положение детской соц. инспекции. („Положение о детской соц. Инспекции", декретированое 23—IX—21 г., „Собран. Узакон." № 66—1921 г., Инструкция Дет. Соц. Инспекции в области охраны нес-х от эксплоатации и дурного обращения в семье и в ремес-

ленных и кустарных предприятиях, не пользующихся чужим наемным трудом, от 14-XII—22 г. № 89.)

Однако в процессе работы практического применения основных задач детской инспекции характер ее работы, несомненно, видоизменяется и должен видоизменяться. Если главная задача дет. соц. инспекции,—профилактика детской беспризорности, то и разные отдельные моменты ея работы углубляясь, усовершенствуясь, должны принимать другой уклон, другое направление. В особенности это касается работы дет. инспекции на улице.

Работа теперь не может ограничиться одним задерживанием беспризорных детей или несовершеннолетних, совершивших правонарушение. Больше того—она не может ограничиваться одним только наблюдением и надзором за детьми улицы. Работа, оставаясь весьма специфической, должна получить более педагогический характер. Детей улицы, детей, наполняющих бульвары, рынки, места скопления публики, этих детей на улицу гонит и скудость впечатлений домашней их обстановки, подчас нудной, серой, скучной, подчас мрачной, тяжелой, безрадостной,—всегда недостаточно отвечающей их запросам, гонит и жажда активной деятельности, потребность в радости, в шуме, в общении, потребность в разгрузке накопившейся и накопляющейся энергии, находящая себе реальное проявление в тех деяниях, которые комиссии по делам несовершеннолетних принуждены квалифицировать, как „озорство, хулиганство“, (езда на буферах, швыряние камней, брань, драки и проч.) Таких дел напр. за 1921 г. в одной из Московских Комиссий среди общего числа 2008 было 712, т. е. около 37%. Этих детей надо отвлечь, увлечь, вовлечь в другую работу, в игры, беседы и пр. Через эти игры и беседы, кроме непосредственного их назначения приобретается и знакомство со всей уличной детворой, через них приобретается и знакомство с их средой и влияние, как на них, так и на эту среду. Одним из этих средств отвлечения и организации неорганизованных детей улицы является устройство в публичных местах и на окраинах площадок для игр детей и с детьми под руководством специальных лиц. В Чикаго с увеличением количества таких площадок и лужаек „пре-

ступность" детей пала в некоторых кварталах на 18% в других—до 70%, в среднем—на 44%.

В Берлине одной из задач отделения Jugendpflege (уход за юношеством) Jugendamt'a (Отдела, в котором сосредоточены все меры попечения и охраны над юношеством), является, кроме поддержания всех спортивных кружков и содействия всякому виду спорта, забота о том, чтобы в распоряжении школ и для нужд детей и вне школы было достаточное количество площади для игры причем эти площадки отводятся детям, как в самом городе, так и вне города, куда дети летом отвозятся специальным поездом: за лето 1922 г. на 13 внегородских площадок было таким образом вывезено больше 44 тыс. детей.

Неоходимо добиться от городских коммунальных органов отвода площадок для игр. Дело нетрудное и не требующее никаких особых затрат, кроме общего поддержания чистоты и привоза песку для совсем маленьких детей.

Руководить же этим делом на улицах, площадях и т. д. могла бы детская инспекция. К этому делу могли бы быть привлечены и комсомольцы, и юные пионеры и т. д.

Как и в вопросе о приемниках, так и в работе дет. соц. инспекции далеко не все сделано для должной постановки правильной работы ее; даже при наличных наших возможностях задачи дет. инспекц. все расширяются, углубляются,—требования, предъявляемые дет. инспекторам, растут. Соответственно с этим меняется и состав работников как по возрасту, так и по образованию и профессии. Если первые выпуски курсов дет. соц. инспекции давали лиц 17—20-летних, малограмотных, случайных профессий, то последний, например, состав работников опытной станции дет. соц. инспекции показывает, что из 33 работников: 4 с высшим образованием, 20—с законченным средним, остальные с неоконченным средним или низшим; большинство (22) имеют большой педагогический стаж.

В виду сокращения количества штатных единиц и средств, отпущенных Наркомпросом на содержание дет. соц. инспекции, многие местные п/отделы и органы борьбы с детской беспризорностью прибегли к привлечению в ряды работы дет. соц. инспекторов—добровольцев. Так, в Москве

к указанной работе привлечены дружины из числа слушателей педагогических ВУЗ-ов. Считаясь с этой огромной работой, которую должны нести дет. инсп., с теми формами которые приняла выявившаяся работа дет. инспекции во время голода и главное с ограниченными средствами, которое государство может отпустить на должное развитие этого дела, необходимо обратить самое старательное внимание на эту отрасль работы с детской беспризорностью.

III. Из приемника некоторые категории детей должны направляться в наблюдательно-распределительный пункт, являющийся таким образом вторым звеном в цепи учреждений, необходимых для беспризорных детей; мы говорили „некоторые категории“ детей, так как далеко не все беспризорные дети, попавшие в приемники, нуждаются в более детальном изучении с точки зрения их психо-физического состояния для дальнейшего определения их судьбы. При правильной—идеальной постановке дела социального воспитания детей, конечно, следовало бы всех детей тщательно изучить, чтобы определить, в какое учреждение согласно их характера они должны быть направлены; при существующих возможностях, когда мы можем содержать минимальнейшее количество наблюдательно-распределительных пунктов, из приемника туда направляются только те дети, которые нуждаются, как сказано выше, в исследовании, тщательном обследовании и изучении. Дети, попавшие случайно, напр. заблудившиеся, дети временно бесприютные, напр. в случае болезни кого-нибудь из родителей и отсутствия другого родителя, дети, совершившие проступок, не возбуждающий сомнений в причине совершения его и необходимых мерах воздействия, в наблюдат.-распределит. пункт не направляются: В приемнике может быть оказана им та социальная помощь, в которой они нуждаются: из приемника они отправляются или к родным, или непосредственно в то учреждение, которое для них подходит. Дети, совершившие серьезный проступок, дети не совершившие проступка, но во время пребывания в приемнике обнаружившие запущенность воспитания, возбуждающие сомнение в необходимой мере воздействия, обследуются детальнейшим образом в наблюдат.-распределит. пункте. Функция обследования как по зада-

ниям наблюдат.-распределит. пункта, так и по заданиям комиссии по делам несовершеннолетних, исполняют обследователи-воспитатели.

IV. Комиссии по делам несовершеннолетних в цепи органов и учреждений для беспризорных детей занимают одно из центральных мест.

От общего суда над детьми — через специализированный детский суд мысль законодателя и ученого, занятых приисканием лучших форм борьбы с детской преступностью, как и с преступностью вообще, пришла к необходимости уничтожения суда над детьми и создания специальных медико-педагогических органов, каковыми являлись комиссии по делам несовершеннолетних. Коль скоро практика и теория признали, что карательная политика в отношении детей не только не гуманна и несправедлива, но и нецелесообразна, что не судить и карать детей, а учить и лечить их следует, то идея эта—воспитание вместо наказания—должна была быть доведенной до конца, и детский суд, хотя и суд специальный, но все-таки суд, должен сойти со сцены, уступив место тому органу, который эту идею воплотит,—органу медико-педагогическому. Таковыми и являются комиссии, организованные в России согласно декрета от 14 января 1918 г.

Подобные комиссии были еще задолго до 1918 г. организованы в Дании, Швеции и Норвегии с несколько другим только составом, согласно уклада жизни данных стран; (так, кроме учителя, врача и юриста в указанные комиссии в Дании входит и священник.) Во всяком случае, ясна идея—воспитания и обеспечения тех беспризорных детей, которые впали в конфликт с законом. Возраст несовершеннолетних, подведомственных комиссиям, был первоначально установлен в 17 л., затем в 1920 г. повышен до 18 лет со внесением, однако, существенного изменения в виде ст. 4, допустившей передачу несовершеннолетних самими комиссиями в Нарсуды в случаях, если они признают, что несовершеннолетний не поддается воздействию мер медико-педагогических. Это отступление от первоначальной мысли законодателя плохо вяжется и с общим духом идеи, воплощенной в указанном декрете, плохо вяжется и с выводом работ Вашингтонской конференции еще в 1910 г. признавшей, что

„неисправимых нет". Еще менее правильным следует признать дальнейшие изменения, внесенные Сессией ВЦИК в мае и октябре 1922 г. в указанный декрет в смысле понижения возраста несовершеннолетних, находящихся в ведении комиссий по делам несовершеннолетних, т.-е. подвергаемых воздействию мер медико-педагогического характера. Будем надеяться, что внесенные изменения следует считать случайными и временными. Во всяком случае, настоящее положение вопроса сильно ухудшает дело борьбы с детской беспризорностью, с каковой комиссии призваны бороться, так как из'емлет из их ведения значительные группы подростков, таких же беспризорных, как и дети до 14 лет, требующих того же подхода, как и дети до 14 лет.

Комиссии являются органом попечения над беспризорными детьми. Осуществлять указанные функции Комиссия может только, если она в главном углу зрения своей работы поставит личность несовершеннолетнего — психо-физические особенности, в зависимости от которых и находится та или иная мера воздействия, тот или другой вид помощи.

V. Обследование несовершеннолетнего, его жизни, изучение среды, его окружающей, поручается обследователям-воспитателям, которые, обслуживая комиссии, таким образом, являются могущественным органом борьбы с детской беспризорностью. Обследователи-воспитатели несут широкую помощь беспризорным детям. До рассмотрения дел Комиссией они должны всесторонне ознакомиться с жизнью несовершеннолетнего, его родными, товарищами, собрать сведения, которые знакомили бы и с факторами, имевшими и имеющими влияние на создание характера несовершеннолетнего, с унаследованными склонностями, чертами и предрасположениями. Изучив его таким образом, обследователь-воспитатель может оказать несовершеннолетнему существенную помощь и поддержку, как во второй стадии своей работы—во время разбора дела в комиссии, принимая участие в выборе подходящей меры воздействия, так и впоследствии, если комиссия признает возможным назначить над несовершеннолетним присмотр обследователя-воспитателя. В таких случаях последний не только помогает советом, поддержкой, надзором самому несовершеннолетнему, но, под-

ходя вплотную к его жизни, его среде, его близким, становится и советчиком семьи, и проводником идеи комиссии в среду, окружающую порученного его вниманию ребенка или подростка.

Воспитателями-обследователями являются лица и со специальной подготовкой и со специальными знаниями, с соответствующим опытом. Но все эти лица должны быть с педагогическим образованием, педагогическим навыком. Кроме того, они должны обладать большой выдержкой, терпением, любовью к трудному, творимому ими делу. В настоящее время делается попытка привлечь в ряды обследователей-воспитателей, как и в ряды работников дет. соц. инспекции, добровольцев. В тех отдаленных местах, уездах и деревнях, где не удается располагать специальным воспитателем-обследователем, к делу обследования несовершеннолетнего, собирания нужных сведений о нем и от него („опроса" его), должны быть привлекаемы школьные работники; надо во чтобы то ни стало избегать, чтобы люди, не обладающие ни знанием и пониманием детской души ни знанием того языка, которым нужно разговаривать с детьми, подходили к ним с абсолютно не педагогическими приемами, как раз в тот момент жизни несовершеннолетнего, где он особенно взволнован, взбудоражен совершенным деянием или часто приписываемым ему только поступком и требует особой чуткости и осторожности. Школьных работников вообще следует приблизить к работе Комиссии, обследователей-воспитателей, делу опеки.

VI. Кроме первичных учреждений для беспризорного ребенка, предусматривающих временное, большей или меньшей длительности пребывание ребенка, бесконечно большее значение имеет то учреждение, куда направляется ребенок для воспитания на продолжительный срок, на время, необходимое, чтобы подготовить его к жизни, приучить к труду, поставить его на ноги. Таковы детские дома для нормального ребенка, детские дома и колонии для перевоспитания запущенных детей, детей с теми или иными дефектами характера, воли, детей, иногда больных, иногда предрасположенных к какой-нибудь болезни, вполне устранимой при соответствующих условиях жизни ребенка. Таковы учреждения

лечебно-воспитательные, где элемент лечебный превалирует над элементом педагогическим, представляя в то же время их сплетение. Таковы и учреждения более строгого режима, называемые реформаториями, но долженствующие представлять те же учреждения воспитательного характера с разной степенью тяжести режима, необходимого для данных подростков. Реформатории замыкают, следовательно, цепь учреждений, нужных для спасения и перевоспитания беспризорных детей; дальнейших звеньев в этой цепи быть не должно, ибо все учреждения, нужные для всевозможных видов беспризорности, должны носить один характер, должны иметь одну цель—помочь, воспитать, обеспечить и вылечить, и трудно себе представить, что эту цель можно было бы достигнуть другими методами—другим подходом.

VII. Большое значение в деле предупреждения беспризорности, в деле борьбы с ней играет и институт опеки.

Если опека прежних времен больше всего интересовалась имущественными делами подопечных, то современная опека по советскому праву преследует главным образом интересы личности несовершеннолетнего, его воспитания и таким образом занимает в цепи органов и учреждений для беспризорных детей видное место.

Как показывает практика, идеи опеки были совершенно здраво и правильно поняты местными работниками, привлекшими к этому делу в качестве опекунов таких людей, происхождение и положение которых может служить гарантией к добросовестной защите интересов подопечного. Данные, собранные осенью 1922 г. относительно некоторых губерний, показывают, что опека является в настоящее время самостоятельным институтом, существующим на-ряду с комиссиями по делам несовершеннолетних. Опека имеет своей задачей и охрану имущественных интересов несовершеннолетнего, которые являются частью общих интересов несовершеннолетнего вообще.

В качестве вспомогательного органа для института опеки, для обследования положения подопечного, обследования пригодности опекунов, добросовестного исполнения ими своих задач являются то детск. соц. инспектора, то обследователи-воспитатели.

VIII. Серьезную роль в деле борьбы с беспризорностью, в деле помощи беспризорным детям должны сыграть детские юридические консультации, в особенности в настоящее время, при существовании частных предприятий, при возможности эксплоатации со стороны этих предприятий несовершеннолетних, при развитии наследственного права и пр.: ребенок чаще может быть поставлен в положение, когда он нуждается в правовой защите отдельных своих прав, при чем иногда не только в чисто-юридической защите, а защите в связи с педагогическими соображениями соответствия того или другого возможного юридического положения условиям и требованиям правильного его воспитания, (так при вопросах разводов, вторичных браков, женитьбы несовершеннолетних и т. д., и т. д.).

Консультации не ограничиваются дачей совета, они должы и указать все пути осуществления данного права несовершеннолетнего и принять самое активное участие в его осуществлении. Они дают все справки и указания по вопросам детского права. На развитие детских юридических консультаций должно быть обращено самое серьезное внимание, тем более, что это дело не требует особо больших затрат, не требует и особых штатных единиц, так как заведывание этим делом на местах может быть поручено лицам, ведающим делом опеки, в крайнем случае работникам комиссии по делам несовершеннолетних. К обследованиям несовершеннолетнего, в которых явится необходимость, могут быть привлекаемы обследователи-воспитатели или детские социальные инспектора. В крупных городах указанные консультации могут работать в тесном контакте с Коллегиями защитников. Во всяком случае в неделю помощи ребенку необходимо повсеместно пересмотреть те возможности, которые несомненно найдутся для осуществления одного из существеннейших видов помощи беспризорным детям.

Кроме указанных органов и учреждений для беспризорных детей, имеется целый ряд учреждений, по характеру своему в более или менее близкой степени служащих для предотвращения детской беспризорности. Таковы учреждения лечебного характера, находящиеся в ведении Наркомздрава, несущие медицинскую помощь больным беспризор-

Детская беспризорность.

Государств. публичная
историческая
библиотека

ным детям; таковы учреждения, насаждаемые П/отделом работы с подростками Отдела Единой Школы: вечерние школы, школы-клубы, дома подростков с мастерскими, клубы подростков, объединяющие работы кружков; таковы учреждения по внешкольной работе с детьми и подростками. Мы не говорим уже о школах, количество и качество коих является могущественным фактором борьбы с детской беспризорностью, не говорим о той громадной общекультурной, культурно-просветительной работе среди широких масс населения, от которой зависит теснейшим образом понимание населением своих обязанностей в отношении детей, понимание нужд детей и удовлетворение насущных их потребностей.

Целый ряд органов и учреждений, кроме существующих, должен быть еще только вызван к жизни—учреждений, далеко не удовлетворяющих, быть может, нашим идеальным требованиям, но, несомненно, способных в настоящий момент облегчить положение беспризорных детей,—столовки, общежития; может быть даже просто ночлежки с минимальным педагогическим надзором, клубы и пр., и пр.

Целый ряд органов и учреждений имеет самим фактом своего существования и по своему назначению прямое или косвенное влияние на положение вопроса борьбы с детской беспризорностью: эта борьба зависит от целого ряда общих социальных и экономических условий, эта борьба не может быть делом какого-нибудь одного ведомства, даже ряда ведомств, эта борьба есть дело всего народа, всего государства, эта борьба должна составить сейчас одну из очередных задач всех партийных, советских и общественных организаций, должна образовать очередной фронт, на котором нужно мобилизовать все силы, могущие дать отпор и бой общему врагу—бездолию, беспризорности детей.

С. Е. Копелянская.

Детская социальная инспекция.

§ 1. Необходимость детской социальной инспекции.

Рассматривая историю борьбы с детскою беспризорностью, мы замечаем, что пройденный этою борьбою путь не был прямою и гладкою дорогою. Наоборот, дорога поражает нас своими извилинами и неровностями. Видно, что тот, кто ее прокладывал, шел неуверенными, колеблющимися шагами, как будто ощупью и в потемках, без яркой путеводной звезды, без светлого маяка, который, рассеивая мрак, давал бы путнику уверенность, что избранный им путь приведет его прямо к конечной цели—в страну только с одним счастливым детством, где не будет детей нищенствующих, проституирующих, „детей-преступников“, где, одним словом, не будет беспризорного детства.

Но мы вместе с тем и видим, что этот путь, вначале совершенно сливавшийся с тою дорогою, которою шел законодатель в борьбе с преступностью, проституцией, бродяжничеством и нищенством взрослых, все более и более расходится с нею и чем ближе он идет к нашим дням, тем более выпрямляется, а шаг становится все увереннее и увереннее. Сворачивая со старого пути, законодатель создает для борьбы с детскою беспризорностью нечто новое, о с о б о е. Робко начиная с о с о б ы х отделений для несовершеннолетних при тюрьмах и особых исправительных приютов для них, он переходит затем более смело к созданию о с о б ы х судов для несовершеннолетних, о с о б о й от взрослых опеки над детьми и, наконец, совсем недавно и только в очень немногих странах он вызывает к жизни о с о б у ю детскую полицию

(Италия), детскую милицию или социальную детскую инспекцию (Россия).

Новым является не только этот институт детской инспекции, но также и самая мысль о нем. По редкой и счастливой случайности теоретическая мысль достигла в данном случае успеха с поразительною быстротою, почти без всякой борьбы, столь обычной, а часто и столь трудной при всякой попытке крупного практического нововведения. Мы подчеркиваем, что этот успех достигнут не только в России, где постоянно встречаются опыты и более крупных социальных реформ, но и за-границею, в Италии, где также постоянно наблюдалось резкое противоречие между смелостью полета научной мысли и рутиною практики. Литература интересующего нас вопроса почти совершенно отсутствует и нужно думать, что на этот раз она, не успев во-время быть восприемницею народившегося института, постарается наверстать потерянное и уделит свое усиленное внимание наблюдению за первыми шагами новорожденного института, чтобы поддержать его, дать ему окрепнуть и развиться. Другого же отношения теории к детской социальной инспекции быть не может, потому что в основу ее положена глубоко правильная идея, но вместе с тем такая простая, что надо удивляться, как не была она развита и обоснована много ранее.

Помещение детей в особые отделения при тюрьмах, а затем и вывод детей из тюрем, давно требовавшиеся теорией уголовного права, обосновывались необходимостью устранения влияния тюремного мира на детскую душу. Создание на Западе особых судов для несовершеннолетних, а у нас комиссий о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях, вызывалось сознанием, что педагог скорее, чем судья, сумеет надлежаще разобраться в явлениях детской моральной дефективности и вообще в детских правонарушениях. Таким образом, наиболее тяжкая форма детской беспризорности, выливающаяся в совершение преступлений или общественно опасных действий, уже в продолжение ряда лет подлежала рассмотрению о с о б ы х органов и борьба с нею велась при помощи о с о б ы х учреждений. Между тем почти вся работа, предшествующая рассмотрению дела в камере детского судьи или в комиссии о несо-

вершеннолетних, попрежнему оставалась в руках тех же самых органов, на обязанности которых лежало наблюдение за общественною безопасностью, т.-е. в руках полиции до революции, а после нее—милиции. Но в этих же руках сосредоточивалась, за немногими исключениями, и вся деятельность по профилактике детской беспризорности, т.-е. такая деятельность, при которой на первое место выступал элемент заботы не относительно общественной безопасности, а о самом ребенке и при которой агент административной власти выступал в новой и на практике, при обычной его работе, в очень редкой роли охранителя интересов самого малолетнего. Привыкнув действовать в качестве органа охранения общественного порядка и уличной благопристойности, полицейский или милицийский не мог отрешиться в отношении к юному беспризорному от общих приемов и навыков его обычной уличной работы. При интенсивности же наблюдения за уличным порядком, за правильностью уличного движения и т. п., не оставалось ни времени, ни сил и не развивалось охоты для работы в роли охранителя интересов подрастающего поколения. А между тем улица большого города и особенно столицы на каждом шагу грозит находящемуся на ней ребенку самыми различными опасностями, одни из которых бросаются в глаза всем и каждому, а другие могут быть усмотрены лишь опытным глазом внимательного наблюдателя. В результате такого положения лишь самые уродливые явления детской беспризорности и детские правонарушения останавливали на себе вниманин этих органов наблюдения за общественным порядком.

Но правильно понимаемые интересы беспризорности детства требует их охраны не только на людных площадях и улицах. Нередко еще большая опасность грозит им не на глазах у всех, не на людях, а вдали от них, за стенами домов, фабрик, мастерских, магазинов, и даже в квартирах их отцов, родных и близких. Слишком долгое время эти квартиры и мастерские были местом, где преступление над ребенком могло совершаться в полной уверенности, что здесь ему никто не помешает.

Так фактически воскресло древнее и средневековое „право убежища“, т. е. неприкосновенности в известных местах

(например, у жертвенников богов и в храмах) преступника, до которого здесь не могла дотрогиваться рука ни следственной, ни судебной власти. Провозглашенная уголовными уложениями охрана детей от жестокого с ними обращения, от развращения их и эксплоатации очень часто оставалась неосуществленной именно потому, что не было органа власти, который нес бы на себе работы по защите этих детей. Чтобы оживить эти статьи о защите детства, в разных местах образовывались общества защиты детей от жестокого с ними обращения, от их развращения и эксплоатации. В некоторых случаях деятельность таких обществ была не только игрою в благотворительность, но и приносила положительные результаты. Но при всем общественном значении работы, ей недоставало решительности государственного вмешательства, планомерности и той широты, которая была не под силу иногда и очень энергичным членам таких обществ.

Таковы условия, которые с логическою необходимостью приводят к выводу: на ряду с органами общей милиции, и взамен их требуется создание о с о б о й детской милиции, расширенные обязанности которой и привели у нас к переименованию ее в детскую социальную инспекцию.

§ 2. Возникновение детской инспекции в России.

Развившиеся за первое десятилетие XX века за-границею детские суды, появившиеся затем и у нас, так же как и созданные в России после революции комиссии о несовершеннолетних не считали возможным ограничиваться в их работе помощью им лишь органов общей полиции или милиции, но организовали при себе институт так называемых попечителей детского суда, или обследователей-воспитателей комиссий о несовершеннолетних. В то время как предварительное дознание о совершонных детьми или над детьми правонарушениях оставалось в руках обычных органов административной власти, попечители и обследователи-воспитатели расширяли материалы дознания собиранием сведений о самих детях и условиях их жизни. Обнаруживалось несомненное стремление расширять работы попечителей и обследователей за счет возможного ограничения роли полиции

и милиции. Вместо содержания юных правонарушителей в общих арестных домах делаются более или менее решительные шаги к содержанию их в особых приютах. Самый вид ребенка под конвоем полиции признавался не совсем удобным. В этом отношении характерно, что первый проект организации детского суда в России, не смея мечтать о замене полиции какими-либо другими органами, тем не менее высказывал пожелание, чтобы чины полиции, сопровождающие детей, были бы, по крайней мере, не в форменной их одежде, а в партикулярном платье. От такого „маскарада", однако, ребенок ничего не выигрывал: переряженный полицейский оставался тем, чем он был на самом деле—агентом полицейской власти, привыкшим действовать только в двух направлениях—„тащить и не пускать".

Впервые вопрос о необходимости организации „социальной инспекции" по охране детства был поднят в России В. Н. Половцевой на Петроградском с'езде по охране детства летом 1917 г. К числу функций социальной инспекции докладчица относила настолько разнообразные обязанности, начиная от самых простых и кончая весьма сложными и ответственными, что признавала необходимой организацию таковой инспекции в нескольких ее видах, соответственно характеру той или иной поручаемой ей работы. В наиболее существенных частях работа социальной инспекции должна была заключаться в:

1) надзоре за общим состоянием детской беспризорности. Для этого должна была вестись регистрация нуждающихся и беспризорных детей, извлечение беспризорных из ненормальных условий их существования и оказание им социальной помощи;

2) надзоре за гигиеною, воспитанием и обучением детей, пользующихся социальною помощью, (надзор на дому и в учреждениях для детей возраста младенческого, дошкольного, школьного и юношеского). Культурное воздействие на родителей и среду, окружающую ребенка, входило также в этот вид работы;

3) надзоре за детским трудом, (предотвращение преждевременного профессионального труда, правильный выбор профессии, обучение квалифицированному труду, охрана труда и пр.);

4) надзоре и попечении за подготовкою руководителей для всех учреждений по охране детства.

В институт социальной инспекции должны были входить, как составные его части, или лишь вставать в ближайшие к нему отношения: фабричная инспекция, попечители при детских судах, сестры-попечительницы по охране материнства и др.

Большинство из этих обязанностей предполагало не только специальную подготовку деятелей социальной инспекции, но и обладание высоким образовательным цензом. Проект предусматривал главным образом высший инспекторский надзор и руководство, но такая работа могла быть осуществлена лишь при помощи подчиненных им других агентов инспекции.

Вопрос об учреждении органов низшей детской инспекции, особой детской милиции был поднят С. Е. Копелянской в ее докладе на эту тему всероссийскому с'езду по охране детства (в феврале 1919 г.). Указывая на язву детской беспризорности в большом городе, где на площадях и улицах недоедающие и голодные дети получают, однако, слишком много пищи нездоровой для их духовного развития и где они продают вместе с папиросами, газетами, яблоками и самих себя, докладчица настаивала на необходимости возможно скорее перехватывать детей на их скорбном пути от беспризорности к преступлению. Это с успехом может сделать не общая милиция, занятая другими обязанностями, а особая детская милиция в лице братьев и сестер социальной помощи [1]). „Государство не должно пугаться тех расходов, которых потребует новая организация. Расходы будут сторицей возмещены: спасая детей во время от преступной карьеры, мы делаем двойную экономию—сокращаем будущие расходы на содержание взрослых преступников и мест их заключений и даем государству трудоспособных граждан вместо тунеядцев и паразитов". Докладчица понимала под институтом детской милиции: 1) братьев и сестер социальной помощи, как органы деятельности детской милиции и

---

[1]) См. статью С. Копелянской в жур. „Социальное воспитание" № 3 — 4, Август—Сентябрь 1921 г.

2) приемники, как учреждения, долженствующие заменить собою милицейские участки и быть теми пунктами, где оказывается несовершеннолетнему первая социальная помощь.

Тогда же в феврале 1919 г. с'езд по охране детства признал „неотложной задачей организовать детскую специальную милицию", для чего ввести „институт братьев и сестер социальной помощи" и открывать „приемные пункты, куда направлять всех задержанных несовершеннолетних". Конференция 10—14 июня 1921 г. по вопросам правовой охраны несовершеннолетних подтвердила эти положения, введя наименование детской милиции детской инспекцией.

Так было положено начало возникновению интересующего нас института.

§ 3. Вместо цифр—примеры.

Доводы, которые С. Е. Копелянская приводила в своих докладах о необходимости учреждения особой детской милиции или социальной инспекции, относились к самому существу вопроса и не связывались с какими нибудь временными условиями или местными обстоятельствами. Это, конечно, правильно. Но да будет позволено нам указать здесь, что особенности времени, пережитого нами, начиная с лета 1914 г., громко вопиют, призывая государство и общество к борьбе с бурным потоком детской беспризорности. Уже в годы мировой войны волны этой детской беспризорности хлестали через край, теперь же, особенно после голодных лет, они, как будто прорвав какую-то плотину, несутся на нас и грозят нам неисчислимыми бедами и несчастиями в самом близком будущем. Чтобы прорвавшийся поток ввести в его берега, нужны специальные знания и специальные силы. Чтобы справиться с армией беспризорного детства, нужна планомерная борьба организованной силы, в первой боевой линии которой и должна итти детская социальная инспекция под тем новым знаменем, на котором написаны слова: «защита детства».

Экономические потрясения и голод были успешными вербовщиками этой армии. Голод же вскормил и вспоил ее.

И вместо известных нам и поражающих нас своею вели-

чиною цифр беспризорных детей всяких категорий, нам хочется привести здесь несколько примеров—картинок столичной жизни. Они лишний раз покажут нам своею уродливостью в какие опасные формы выливается детская беспризорность и из каких отдельных слагаемых составляется вся масса беспризорных детей.

В период наибольшего развития так называемой детской „спекуляции“ можно было наблюдать на площади перед Ярославским и Николаевским вокзалами следующую сценку. Мальчик лет 9, по всей вероятности не обладающий капиталом для производства торга, потешает своих сверстников „спекулянтов-капиталистов“: вымазав все лицо и руки нефтью с паровоза, под дружный и общий хохот мальчишек, он катается „катышем“ в уличной пыли; пыль липко пристает к его вымазанной рожице и он „грязнее грязи“. Довольные развлечением „спекулянты“—мальчишки награждают его бумажками всякого достоинства из их выручки. Спрашивается, далеко ли они ушли от развлекавшихся сходным образом по трактирам и ресторанам Тит Титычей? Кто растет для нашего социального уклада в лице этих развлекающихся детей и этого пресмыкающегося ребенка?

На Страстном бульваре, у памятника Пушкина, целый ряд торговцев и торговок, взрослых и детей, с папиросами, булками, яблоками... Вдруг у кого-то из торговок вырывается испуганный и предупреждающий крик: „шарашики“! Торговцы хватаются за свои корзины и лотки, бросаются в разные стороны, но на них налетела шайка уличных мальчишек—„шарашиков“ и с налету тащит, что успеет и что сможет. Нежное и ласкательное название „шарашики“ дано этим детям-налетчикам, очевидно, потому, что торговцы „шарахаются“ от них в сторону. Спрашивается, не крепнет ли в этих организованных набегах беспризорных детей дух бандитизма и не превратится ли сегодняшний „шарашик“ через короткое время в грозного, готового на все налетчика?

Обычные пассажиры пригородных поездов Ярославской железной дороги хорошо знают мальчишку нищего-певца „Соловья“. Под такою кличкою известен мальчик-певец не потому, чтобы его голосок хотя бы сколько-нибудь напоми-

нал трели соловья. Он получил такое прозвание только потому, что в его репертуаре всего один номер—коротенькая песенка, кончающаяся словами: что когда юный певец умрет, никто не придет к нему на могилу „только ранней весной соловей пропоет“. „Соловей“ обещал с нового года петь другую песню и в самом деле начал было распевать другую, но очень скоро вернулся к своему старому репертуару: „за новую меньше подают, старая жалостливее; а меня все обижают, и для всех я чужой, мне эта жизнь надоедает, я ишу себе другой“. Но на самом деле „эта жизнь“ ему не надоедает. Наоборот, она его захватила в свои цепкие лапы. Безуспешно пытались вырвать его из этих лап: они его держат и он сам за них держится. Он не знает стеснения, за словом в карман не лезет, острит и отшучивается. Впрочем, иногда серьезно говорит о своих заботах—о сестре-девченке, почти его ровеснице, которую он, по его словам, кормит: „разве она, девка, может заработать ирисками?“ спрашивает он и, не дожидаясь ответа, идет дальше петь своего „Соловья“. И опять у нас невольно рождается вопрос: что выйдет из этого мальчугана, что станет делать этот совершенно безголосый соловей, когда надоест пассажирам. Подачки уже сделали из него в 10—11 лет профессионала-нищего. Он добывает „пением“, другие дети-нищие по мере сил и способностей изобретают иные способы попрошайничества и чувствуют себя в своей сплоченной дружной компании более счастливыми, чем в самом благоустроенном детском доме. Не малая доля вины падает в этом на „милостыню“, далеко не всегда спасающую ребенка и не редко его губящую. Когда же опустившийся юнец начинает лазить по карманам, „жалостливые“ и „добрые“ люди готовы предать его всякой казни. Автор этих строк сам слышал горячий спор в трамвае двух пассажиров. Для искоренения воровства один из них предлагал отрубать ворам руки, а другой—выкалывать глаза. Спорящих примирил третий, предложивший делать то и другое.

Эти примеры показывают как необходима детская социальная инспекция. При надлежащей ее организации она будет проводником в различные слои общества правильных взглядов на детскую беспризорность и на борьбу с нею.

Здесь перед детским социальным инспектором открывается новая и очень важная задача его работы: он выступает как пропагандист новых научных и общественных идей в деле борьбы с детскою беспризорностью.

К такому результату неизбежно должна приводить вся его деятельность даже помимо его желания и без всякого с его стороны намерения быть проводником в различные слои народа идеи защиты детства.

Такая пропаганда будет вестить им словом и делом и даже больше делом, чем словом. Каждый случай, когда детскому инспектору удастся защитить ребенка от жестокого с ним обращения, оградить его от развращающего влияния среды, прекратить эксплоатацию сил его еще не окрепшего организма—каждый такой случай есть вместе с тем и живая пропаганда делом. Она сильнее, чем самое горячее слово убежденного и опытного пропагандиста, докажет, что интересы всех нас, интересы общественного уклада требуют нашей защиты от беспризорных несовершеннолетних только одним, ведущим к цели, способом — посредством защиты самих несовершеннолетних.

Так скромный детский социальный инспектор вырастает в крупную фигуру важного общественного работника.

4. Детская инспекция за-границею.

Попытки хотя бы некоторого ослабления роли общей полиции в борьбе с явлениями детской беспризорности были произведены ранее всего из европейских государств в Германии, но лишь в Берлине и в некоторых других ее городах, (Франкфурте на Майне, Мюнхене, Нюренберге и др.). Здесь, при центральных полицейских бюро, по соглашению между полицейскими властями и обществом защиты детства, были открыты особые отделения для задержаных детей. Уполномоченная от означенного общества принимает всех задержанных полицией детей, знакомится с протоколами их задержания и принимает меры к направлению детей для временного или постоянного содержания в соответствующих учреждениях [1]). Таким образом эти первые попытки давали

[1]) Рубашева Особые суды для малолетних. М. 1912 г. 73—74 стр.

возможность сокращать пребывание детей в арестных домах или даже и совсем устранять его. Однако этим не устранялась работа органов общей полиции по заарестованию детей и не создавалось новых органов помощи детям. Более решительный шаг был сделан в Германии принятием в июле 1922 г. закона по охране детства. Закон предусматривает учреждение особых органов по защите детства—Jugendamt с широкими обязанностями инспекции по защите детства и должен вступить в силу во всех союзных государствах Германии не позднее 1 апреля 1924 г. Однако, в некоторых из них подобные органы защиты детства начали вводиться и ранее. Так, например, в Вюртемберге сходный закон был принят еще 9 октября 1919 года и начал проводиться в жизнь с апреля 1920 г., а к настоящему времени введен почти на всей территории Вюртемберга [1]).

Несколько иного характера был дан пример полицией г. Вены, оставшийся, однако, без сколько нибудь широкого подражания. Здесь в 1909 г. при главном управлении полиции было открыто особое отделение по делам о малолетних, под управлением одного из высших полицейских чинов Вены. При каждом полицейском участке был назначен особое должностное лицо по делам малолетних, специально для этого подготовленное: без его утверждения полицейские чины не имеют права применять какие бы то ни было меры по отношению к задержанным несовершеннолетним до 18 летнего в возраста. При полицейском отделении для малолетних учреждена должность особой ассистентки. Для исполнения обязанностей ассистентки была приглашена женщина с большим стажем работы по защите детства и с педагогическим образованием. При ее помощи задержанные дети вместо оставления их в особом отделении арестного дома, направляются в различные учреждения. Кроме того был тогда же открыт особый приют для кратковременного пребывания в нем детей. Положительные результаты нового начинания сказались очень быстро: из отчета за первые четыре месяца работы выяснилось, что полиции пришлось иметь дело с 10.448 малолетних, при этом, хотя более поло-

---

[1]) Zentralblatt für Vormundschaftswesen December 1922.

вины их (5.482 малолетних) и были задержаны за уголовные преступления и за нарушения различных обязательных постановлений, однако, крупною оказалась цифра и тех детей, которым пришлось подавать со стороны органов полиции ту или иную помощь, а именно 4.965 малолетним, (из них было: заблудившихся, бежавших, бродячих детей 2.230, получивших повреждения 405, жертв жестокого обращения 640, покушавшихся на самоубийство—51, без крова и средств—1605) [1].

Но с наибольшею подробностью вопрос об организации особой полиции и инспекции по детским делам был разработан из иностранных государств в Италии в „Детском Кодексе“ 1914 г. В кодексе имеется специальный раздел, носящий заглавие „О полиции и осуществляющих ее органах“. Задачи деятельности детской полиции определяются весьма широко: „Полиция имеет своею задачею расследовать все, касающееся в какой бы то ни было форме малолетнего с педагогической, юридической, экономической и социальной стороны. Она собирает и передает окружному судье все нужные ему сведения и, в случае крайности, сама принимает необходимые меры. Она действует по изданным в руководство ей иструкциям“. К органам детской полиции, (впрочем, сам закон не употребляет термина „детская“), относятся: местные уполномоченные судей, инспектора, агенты — наблюдатели и добровольные попечители. Обязанности уполномоченного судьи смешанного характера: он до некоторой степени заменяет судью, так как эта должность учреждается там, где не имеется камеры детского судьи (итальянский кодекс называет его „окружным судьею“), и к его обязанностям относится „расследовать и проверять все относящееся к охране, опеке и воспитанию несовершеннолетних с немедленным докладыванием об этом окружному судье“. Но он же сам принимает в случае крайности все меры, которые признает необходимыми в интересах ребенка, хотя также обязан немедленно довести об этом до сведения судьи. В виду такого смешанного характера обязанностей уполномоченного судьи, частью судебного, частью полицей-

---

[1]) Рубашева паз. соч. 101—103 стр.

ского содержания, требуются особые условия для замещения этих должностей. Кандидаты на занятие этих должностей должны иметь не менее 25 лет от роду, быть неопороченными по суду, безукоризненного поведения, преимущественно состоящими в браке, обладать специальной подготовкою. В целях наиболее правильного замещения должностей порядок назначения на них предусмотрен особыми статьями закона и отличается своею сложностью. Через каждые три года службы требуется новое их утверждение в должности, но увольнение от нее возможно во всякое время.

Специальною обязанностью инспекторов является наблюдение за несовершеннолетними, отданными под отвественный присмотр и за условиями их жизни у тех лиц, коим они были вверены.

Собственно полицейские функции более всего возложены на агентов-наблюдателей. Они наблюдают за поведением малолетних, охраняют их, задерживают юных правонарушителей, бродяжничающих, доводя об этом до сведения судьи. Все эти обязанности по отношению к девочкам и вообще несовершеннолетним до 18 лет женского пола поручаются агентам-надзирательницам. Им же можеть быть поручена эта работа и по отношению к мальчикам, но лишь в возрасте до 10 лет.

Наконец, работа по охране детства может быть поручаема судьею и добровольцам-попечителям, которые не без основания причисляются законом также к органам полиции. [1])

§ 5. Детская социальная инспекция в РСФСР.

Положение детской социальной инспекции в России в настоящее время определяется актами от 23 сентября 1921 г., (опублик. в Собр. Узак. и Расп. № 66, ст. 506—1921 г.), от 13 сент. 1922 г. (опублик. в Собр. Узак. и Расп. № 59, ст. 745—1922 г.) и особой инструкцией по охране несовершеннолетних от эксплоатации и жестокого с ними обращения.

Акт 23 сентября 1921 г., определяя задачи детской социальной инспекции, предусматривает в двух пунктах 1-ой

---

1) Раздел второй Итальянского Детского Кодекса.

Статьи „Положения" об этой инспекции работу а) по борьбе с детской беспризорностью, нищенством, проституцией, спекуляцией, правонарушениями несовершеннолетних и б) по борьбе с эксплоатацией детей и дурным с ними обращением. Таким образом, детская инспекция с одной стороны, по вложенной в этот институт идее, должна заменить собою органы общей милиции, так как борьба с преступностью, проституцией и тому подобными явлениями входит в обязанности именно милиции. При нормальной постановке детской инспекции и надлежащем количестве ее агентов, она должна вытеснить в указанном отношении всякую деятельность органов общей милиции по задержанию несовершеннолетних всех категорий беспризорности. Разграничение круга деятельности общей милиции и детской инспекции определяется возрастом правонарушителей (по их наружному виду): как скоро нарушителем общественного порядка является несовершеннолетний, он подлежит ведению детской инспекции.

С другой стороны, на детскую инспекцию возлагается работа громадного принципиального и практического значения: она должна стать защитницей ребенка, не только идущею на помощь к нему, когда он сам зовет к себе, но и активно разыскивающею нуждающегося в такой помощи. В то время, как для борьбы с детскими правонарушениями агенты детской инспекции несут дежурства во всех местах публичного характера, (на площадях, улицах, в театрах и т. п.), для борьбы с эксплоатацией детей и дурным с ними обращением декрет предписывает: „посещать ремесленные и кустарные предприятия, не пользующиеся чужим наемным трудом и, в случаях осведомления о злоупотреблениях родительскою или опекунскою властью, посещать семьи, в которых эти злоупотребления имеют место". Такова новая редакция 6 ст. п. б, установленная постановлением Совета Народных Комиссаров от 13 сентября 1922 г. Сравнительно с предшествующею редакцией от 23 сент. 1921 г. она раз'ясняет возникшие на практике сомнения о разграничении круга ведомства инспекторов труда и детской инспекции: первым подведомственны, кроме фабрик, заводов и т. п., те из ремесленных и кустарных предприя-

тий, которые пользуются наемным трудом. Наоборот, ремесленные и кустарные предприятия, не пользующиеся наемным трудом, находятся в ведении детской социальной инспекции. Но само собою разумеется, что между органами той и другой инспекции должно существовать взаимодействие и, если детская инспекция обязана уведомлять инспекторов труда о сделавшихся ей известными случаях нарушения правил о труде малолетних и подростков, так инспектор труда обязан, в свою очередь, извещать детскую инспекцию о замеченных им случаях, неподлежащих его ведению, но относящихся к компетенции последней.

В виду особой важности работы детских социальных инспекторов по борьбе с эксплоатацией и дурным обращением, особая инструкция определяет их права и обязанности.

Инструкция имеет своим назначением не только преподать детским инспекторам руководящие указания при их ответственной работе, но и твердо определить внешние условия их деятельности, чтобы, по возможности, устранить всякие злоупотребления и тем самым дать новому институту правильно развиться и окрепнуть.

Детский социальный инспектор обязан иметь при себе особый мандат от Губерн. Отдела Народ. Образов. с отметкою в нем права посещения и обследования ремесленных и кустарных предприятий, не пользующихся чужим наемным трудом. Пред'явление этого мандата обязательно. При посещении или обследовании присутствует представитель домоуправления, за его отсутствием—представитель милиции или сельского совета. Для выяснения всех нужных обстоятельств детский инспектор имеет право опрашивать лиц, коих сочтет нужным, не исключая несовершеннолетних, (их отдельно от взрослых). Об обнаруженном составляется протокол (немедленно по обнаружении). Все эти предписания имеют целью гарантировать большую правильность и закономерность работы детского инспектора.

Что же касается необходимой тщательности и полноты обследования, то инструкция рекомендует, при посещении ремесленных и кустарных предприятий, выяснить: а) не работают ли дети моложе 14 лет, б) не работают ли малолетние от 14 до 16 лет более 4 часов в сутки и подростки бо-

лее 6 часов в сутки; в) не допускаются ли несовершеннолетние (малолетние подростки) к сверхурочным, праздничным, тяжелым и особо вредным работам и работам, запрещенным детям специальными постановлениями; г) не оказывает ли работа вредного влияния на физическое и умственное развитие малолетних и подростков; д) посещают ли несовершеннолетние школы и какие; е) пользуются ли несовершеннолетние установленным законом отдыхом; ж) какие причины отступления от норм охраны труда несовершеннолетних (ст. 8).

Перечень этот не носит исчерпывающего характера, а только примерный с наиболее важными вопросами.

В том случае, когда оставление несовершеннолетнего в предприятии или семье грозит его жизни, здоровью или нравственности, детский социальный инспектор передает несовершеннолетнего другим лицам, а при отсутствии их, направляет его в ближайший приемный пункт.

Составленные детским социальным инспектором протоколы, направляются им в местный отдел народного образования. От последнего зависит возбуждение против виновных преследования. Инспектор может быть делегирован отделом народ. образов. в судебное заседание для защиты интересов несовершеннолетнего.

Таковы сложные и важные обязанности детского социального инспектора. Для успешного их выполнения требуется не только любовь к этой работе. Само „Положение о детской социальной инспекции“ выставляет определенные требования, которым должен удовлетворять детский испектор, безразлично является ли им брат или сестра социальной помощи. Требования формулированы частью в отрицательной, а частью в положнтельной форме. К числу первых относится: инспектором может быть лицо не моложе 21 года, не находящееся под судом или следствием, не ограниченное в правах по суду. К числу вторых относится: принадлежность к числу граждан Республики, достаточное общее развитие и образование (по возможности специальная подготовка или соответствующий педагогический стаж.).

Таким образом, закон, требуя неопороченноети по суду, принимает тем самым меры к тому, чтобы не допустить к

ребенку такое лицо, в нравственных качествах которого у него нет уверенности. Выставляя условием для занятия должности возраст не моложе 21 года, закон предусмотрительно считается с необходимостью того жизненного опыта, серьезности, которые даются только с годами. Наконец, он хочет, чтобы детский социальный инспектор обладал общим развитием и был вооружен знанием своего дела. Это единственное оружие, которым он может бороться с явлениями детской беспризорности. Недаром одна из статей „Положения о детской социальной инспекции“ запрещает инспекторам ношение при себе какого бы то ни было оружия. Не револьвер и винтовка, а общее развитие и специальные знания, не полицейская сноровка, а педагогический опыт— вот с чем идет социальный детский инспектор в борьбу, на защиту детства. Но как бы не была горяча любовь к этой важной социальной работе, как бы не было высоко общее развитие и глубоки специальные знания детского социального инспектора, один он—в поле не воин. К нему на помощь должны итти сочувствие общества и материальные средства. Без них детские инспектора, эти разведчики детской беспризорности и детских несчастий, этот авангард в борьбе с тяжелым социальным недугом окажутся побежденными.

Мих. Гернет.

Первичные учреждения социально-правовой охраны несовершеннолетних.

„Охрана несовершеннолетных—это совокупность всех законодательных постановлений и практических мероприятий, направленных на создание и обеспечение детям нормальных условий жизни и развития". Чем шире и глубже задачи охраны несовершеннолетних—тем больших результатов она может достигнуть. Охватить всю жизнь ребенка вплоть до его совершеннолетия, не оставив вне поля своего зрения ни одной из сторон его существования, предусмотреть и оградить все его права и интересы—вот идеал охраны несовершеннолетних.

Признание охраны несовершеннолетних в этом широком смысле государственной задачей есть одно из наиболее важных и серьезных достижений октябрьской революции. Для достижения намеченной цели государство стремится создать густую сеть детских учреждений, сквозь петли которой не могло бы пройти незамеченным ни одно детское существо, нуждающееся в поддержке на жизненном пути.

Одним из первых звеньев этой цепи детских учреждений является приемный пункт (приемник). Детский приемный пункт является пунктом скорой социальной помощи, куда препровождают детей, которым по той или иной причине необходимо оказать временный приют и помощь. Приемник должен быть всегда открыт, чтобы быть готовым во всякое время, во всякий час принять приводимых туда детей. В приемный пункт дети направляются детскими инспекторами (работниками ДСИ), и каждым гражданином, нашедшим ребенка в состоянии беспризорности.

В приемник направляются:

1) Несовершеннолетнце, задержанные за совершение правонарушений.

2) Несовершеннолетние, занимающиеся нищенством, проституцией, спекуляцией и дети, которых необходимо изъять из той обстановки, в которой они находятся.

3) Несовершеннолетние, задержанные по случайным причинам, заблудившиеся, потерявшие своих родителей, не имеющие пристанища.

Задачею приемника является прежде всего изоляция беспризорных детей от пагубных для них условий; затем дать беспризорным детям первую необходимую помощь: кров, пищу, одежду. Эти задачи приемник, главным образом, осуществляет через детскую инспекцию, работа которой в приемнике заключается: в приеме детей, проведении их через весь приемник, обследовании условий жизни беспризорных, задержанных детей, дежурстве с детьми и отправка их из приемника.

Приведенный в приемник несовершеннолетний передается дежурному и прежде всего направляется в опросную комнату, где производится самый первоначальный опрос, после которого несовершеннолетний направляется в ванну, затем на медицинский осмотр и наконец передается воспитателю для помещения его в соответствующую группу. Дети, задержанные по случайным причинам, по выяснении обстоятельств направляются домой; если налицо есть какое-нибудь правонарушение, то дело передается в Комиссию по делам несовершеннолетних.

Как общее правило, несовершеннолетний должен оставаться в приемнике возможно меньший срок. Так как совместное пребывание различных категорий и типов несовершеннолетних, как бы кратковременно оно ни было, может привести к дурным последствиям, то подразделение на группы в приемнике необходимо.

Внутренняя жизнь приемника в силу его своеобразного положения в ряду детских учреждений строится на особых основаниях. Как бы это трудно ни было, но он должен преследовать воспитательные цели, точнее говоря, известные моменты воспитательного характера не должны быть забы-

ваемы в его работе. Как ни кратковременно пребывание несовершеннолетнего в приемнике, но оно чрезвычайно важно, так как здесь он получает те новые впечатления, которые могут оказаться решающими для неустойчивой психике несовершеннолетнего. Поэтому внешний вид приемника должен быть располагающим, таким, чтобы попавший туда ребенок сразу мог почувствовать себя хорошо и уютно, отношения всего персонала должны быть приветливыми и чуткими. Заботы о чистоте, (баня или ванна), о здоровье, (наблюдение врача, изолятор), должны способствовать тому же. О систематической работе воспитателя в приемнике не может быть и речи, но несовершеннолетний не должен оставаться праздным и путем воздействия педагога сейчас же должен получить новые и определенные впечатления, резко отличающиеся от того, что он испытывал до сих пор.

Занятия должны вестись, главным образом, клубного характера: чтение, рассказы, гимнастика, музыка, игры, простые ремесла.

В приемнике должен быть опытный педагог, который сумел бы воздействовать на воображение несовершеннолетнего, заставил бы его почувствовать разницу между прошлым и возможным будущим и зародил бы в нем желание стремиться к этому будущему.

Таким образом, приемник, заменяя в отношении некоторых категорий детей милицейский участок, должен быть построен так, чтобы в воспитательном отношении составлять одно целое со всей системой учреждений охраны несовершеннолетних.

Из приемника дети направляются: 1) домой, если это случайно задержанные, 2) в дет. дома, больницы, санатории, 3) в наблюдательно-распределительные пункты, если это правонарушители или дети, относительно которых является предположение, что они нуждаются в особом тщательном и длительном изучении.

Так как работа над запущенными в воспитательном отношении детьми показала, что положительные результаты в этой работе могут быть получены только при условии изучения, как внешних условий жизни, так и их самих в целом, то такое широкое и глубокое изучение личности ре-

бенка и является основной задачей наблюдательно-распределительного пункта. Нужно, чтобы ребенок, направленный из наблюдательно-распределительного пункта в какое-либо из детских учреждений, пришел туда с материалом, по которому было бы ясно, как и в каком направлении надо над ним работать дальше.

Для достижения указанной цели несовершеннолетний должен оставаться в наблюдательно - распределительном пункте от трех недель и более в зависимости от индивидуальных особенностей.

Внутренняя жизнь и распорядок дня в наблюдательно-распределительном пункте должны строиться таким образом, чтобы выявлению индивидуальности несовершеннолетних было дано как можно больше места и возможностей.

Изучение несовершеннолетнего складывается из двух основных моментов: 1) изучение среды, из которой он вышел, (в частности семьи), 2) изучение его самого с физиологической и психологической сторон.

Для изучения среды, в которой жил несовершеннолетний, пользуются данными, полученными из приемного пункта, а если нужно делают обследование еще раз. Воспитатель и врач ведут совместное наблюдение над несовершеннолетним и записывают все, имеющее значение для определения психофизических особенностей его.

На основании этих данных к концу пребывания несовершеннолетнего в наблюдательно-распределительном пункте составляется подробная индивидуальная характеристика его и этот материал является определенным базисом для дальнейшей работы над ребенком в том детском учреждении, куда он будет направлен.

Как было сказано выше при изучении личности ребенка необходимо обратить внимание на ту среду, из которой он вышел, чтобы выяснить те влияния, которые наложили на него свою печать, а также можно ли оставить его в прежних условиях или необходимо устроить его в какое-либо стационарное учреждение. Изучение среды должно быть начато с семьи, так как семейная обстановка весьма часто является одной из главных причин детской беспризорности. К тем же условиям социальной среды влияющим на фор-

мирование характера нужно отнести и товарищей несовершеннолетнего. Если перед нами ребенок школьного возраста, то нужно собрать те данные, которые может дать о нем воспитатель или учитель. Если он служит, то и там, (конечно, осторожно, чтобы ему не повредить), собрать материал для характеристики.

Если несовершеннолетним совершено правонарушение, то необходимо собрать самые подробные сведения о всех обстоятельствах, сопровождавших деяние несовершеннолетнего.

Весьма значительное место в исследовании несовершеннолетнего должно занимать изучение его физической природы, так как нередко здесь можно найти ключ к выяснению причин и характера тех или иных его действий. Физическое благосостояние есть основа правильного психического развития. Таким образом центр тяжести медицинского исследования лежит в установлении аномалий психофизической организации несовершеннолетнего. Но всего этого недостаточно для полного выявления личности. Главную роль играют наблюдения воспитателя, перед глазами которых изо дня в день проходит непосредственная жизнь несовершеннолетнего. Наблюдения воспитателя должны быть самыми тщательными, самыми детальными. Воспитатель в занятиях и в жизни должен следить за проявлениями способностей и наклонностей каждого в отдельности и за тем, как можно использовать эти наклонности, так как это есть цель социального воспитания.

Если мы стремимся к изучению ребенка, то главным образом для того, чтобы выяснить приспособляемость данного организма к жизни в данном обществе, понимая, что все остальные элементы психики могут быть полезными или вредными только при рассмотрении их сквозь призму социальности.

Изложив сущность охраны несовершеннолетних, роль и значение первичных учреждений в том виде, как они мыслятся в советском государстве, я хочу провести некоторую параллель между тем, как поставлена охрана несовершеннолетних теперь и как она была поставлена в дореволюционное время.

Через всю жизнь дореволюционного времени красной нитью проходило деление людей на классы, и в деле охраны детства это играло первенствующую роль. Если ребенок, принадлежавший к привилегированному сословию, оставался сиротой или по тем или иным причинам требовал поддержки государства, его помещали в кадетский корпус, институт и давали все возможности выйти в люди. Если ребенок был сын крестьянина или рабочего, его отдавали в приют, мало разбираясь с его склонностями и способностями.

Из приюта его выпускали по большей части совершенно не подготовленным к жизни. Если ребенок попадался в каком-нибудь проступке, то он проходил все этапы на ряду со взрослыми, знакомился с полицейскими домами, всасывал весь ужас и грязь этой жизни в свою душу и выходил из „исправительного“ учреждения окончательно испортившимся. Дальнейший его путь в большинстве случаев был предопределен.

Охрана несовершеннолетних в Советской России ставит себе задачи оградить и взять под свою опеку все детское население. Первой ступенью в деле охраны несовершеннолетних является приемник, который стремится подобрать и приютить всех беспризорных детей.

Мы видим, как приемник осуществляет эту задачу. И при тяжелых условиях настоящего времени тысячи детей, приводимых в приемники грязными, оборванными и голодными через несколько времени выпускаются оттуда в неузнаваемом виде.

Для того, чтобы правильно разместить всех этих детей по детским учреждениям с одной стороны, не нарушая работы этих учреждений, так как неправильный подбор детей тормозит работу, а с другой стороны, имея в виду, что в интересах детей и государства — направлять каждого по тому пути, к которому он имеет склонность и интерес, наблюдательно-распределительный пункт изучает каждого ребенка индивидуально.

Конечно, для полного осуществления тех грандиозных задач, которые ставит себе охрана несовершеннолетних, необходимы большие средства, большие силы и много умения.

В настоящее время, с колоссальным ростом беспризорности, как результатом войн, эпидемии и голода, роль первичных учреждений еще увеличилась, а главное, явилась потребность в увеличении их количества для возможности помещения туда наибольшего количества детей. Экономическое положение государства не дает возможности в настоящее время расширить сеть первичных учреждений до потребного количества, а потому профессиональные, партийные и общественные организации должны притти на помощь, понимая, что колоссальное здание, долженствующее обнять все детское население,—охрана несовершеннолетних,—может строиться лишь на широком фундаменте путем привлечения самодеятельности возможно больших групп населения.

Е. И. Агрикова.

Комиссия по делам о несовершенно-летних.

В центре всех учреждений, отдающих свои силы правовой охране детей, находится орган, носящий скромное наименование „Комиссии по делам о несовершеннолетних“ и выполняющий наиболее ответственную и сложную работу по борьбе с детской беспризорностью. Все в Комиссии — ее состав, организация, принципы деятельности — подчинено единой цели и одухотворено одной идеей, защитой детства.

Согласно постановления трех Наркоматов (Просвещения, Здравоохранения и Юстиции, Собр. Уз. № 68 от 30 июля 1920 г.) каждая Комиссия состоит из трех членов: председателя—педагога, врача и народного судьи. Обязательное по закону председательствование педагога подчеркивает педагогические, а не судебные и тем менее карательные функции Комиссии, участие врача — важность медицинского обследования ребенка. Третий член Комиссии — народный судья— в этом составе не представитель формальной юстиции, а тот же друг детей, лишь более компетентный в анализе и оценке правонарушений.

Тем не менее, Комиссия не переоценивает своих сил: учитывая трудности подхода к детской душе, она решается

выносить решения лишь после того, как ребенок внимательно и любовно изучен обследователем. Такова практика Комиссии и такова мудрая воля закона: „в Комиссиях (говорит ст. 2 пост.) рассматриваются дела лишь о тех несовершеннолетних, о которых обследователями-воспитателями в указанный Комиссией срок собран необходимый материал". Комиссия, т. о. является основным решающим этапом в жизни беспризорного ребенка: здесь подводятся итоги собранным о нем данным и здесь решается его дальнейшая судьба. Оттого Комиссия—основное звено, но лишь звено в системе мер и учреждений: лишь при достаточном и желательном подборе воспитателей, с одной стороны, и лишь при существовании надлежаще организованных детских домов и лечебных мест, с другой, центральная работа Комиссии может протекать с достаточной продуктивностью. А работа эта необ'ятна.

В конце концов нет задачи элементарнее применения к доказанному нарушению соответственной статьи закона. Комиссия по д. несов. занята другим: она устанавливает меры воздействия, наиболее соответственные моральному и психическому облику ребенка. Эти меры разнообразны, но однородны в своей медикопедагогической, а не карательной сущности. Сюда относятся: а) беседы, разъяснения, замечания; б) внушение и оставление на свободе под присмотром родителей, родственников и обследователей; в) определение на ту или иную работу; г) помещение в школу; д) отправка на родину; е) помещение в детский дом или в одну из лечебновоспитательных колоний и учреждений; ж) помещение в специальные изоляционные отделения психиатрических лечебниц; з) передача дел в исключительных случаях (упорный рецидив, побеги и т. п.) народному суду. Там, где в центре „карательной системы" предусмотрены такие меры, как определение на работу, отправка на родину или помещение в школу там, естественно, о преступлении и преступниках вопроса возникать не может. Там, с другой стороны, нет и не может быть требования совершения проступка как основания для направления в Комиссию; для Комиссии существует лишь одна категория, один род, одна группа детей: дети беспризорные, дети, нуждающиеся в под-

держке и руководстве, независимо от их коллизий с уголовным законом. Служение беспризорным детям—огромная и единственная задача Комиссии. Лишь в одном случае Комиссия принимает на себя ей не присущую инициативу уголовного преследования и делает это во имя того же служения, — когда ребенок оказывается потерпевшим. Согласно ст. 4, Комиссии обязаны привлекать к судебной ответственности взрослых с немедленной передачей дел о них в Народный Суд за жестокое обращение с детьми, за эксплоатацию их труда, за склонение несовершеннолетних к проституции, преступлениям, за сводничество и т. п.

Со времени акта 4 марта 1920 г., положившего твердое основание деятельности Комиссий, прошло более трех лет. За этот промежуток Комиссиями выполнена огромная работа по борьбе с беспризорностью, этим главным источником детской преступности. В настоящее время по всей Р.С.Ф.С.Р. действуют около 250 Комиссий. В 1921 г. перед Комиссиями прошли около 80.000 детей. Чтобы учесть значение этих цифр достаточно указать, что при крайне интенсивной борьбе власти с преступностью взрослых и переполненности российских тюрем общее число заключенных в Р.С.Ф.С.Р. в 1922 г. состовляло 80.559. Деятельность Комиссий, т. о., коснулась массы детей, превышающей среднее тюремное население Р.С.Ф.С.Р. По сравнению с этими данными роль самой тюрьмы в борьбе с детской преступностью оказывается совершенно ничтожной: так, в 1921 г. число несовершеннолетних составляло лишь 1,1% общего числа заключенных в тюрьмах Р.С.Ф.С.Р., в 1922 г.—1,4%, т.-е. около 1.200 чел.

Среди потрясений, вызванных Европейской, а затем гражданской войнами, оторванность отцов и мужей от семьи, фактический развал семьи, была также одним из серьезных социальных бедствий. Где нет крепко сколоченной семьи, там воспитание ребенка не может протекать в нормальных условиях, там дети становятся жертвой уличных влияний. Мы же в особенности в столицах и крупных центрах были свидетелями того, какая масса детей хлынула на улицу „мешочниками“, „торговцами“, праздношатающимися и „преступниками“. В тягчайших условиях хозяйственной разрухи и ограниченности до крайних пределов средств Комиссии

и с ней действующие органы правовой охраны детей приступили к борьбе, повели борьбу и достигли заметных результатов.

Если обратиться к Московской губ., всегда игравшей „первопрестольную“ роль в детской „преступности“, (среди тюремного населения несовершеннолетние, составляя по всей Р.С.Ф.С.Р. в 1921 г.—1,1%, по Московской губ. дают 7,91% общего числа заключенных), то можно будет отметить определенный уклон вниз линии детской беспризорности и преступности. Так, общее число детей, поступивших в Моск. Комис. о несовершеннолетних, составляло:

1921 г.—	июль	1.453
„ „	август	1.867
„ „	сентябрь	1.353
„ „	октябрь	860
„ „	ноябрь	990
„ „	декабрь	684
1922 г.—	январь	637
„ „	февраль	647
„ „	март	883
„ „	апрель	630
„ „	май	751
„ „	июнь	482

Эти данные относятся к периоду до введения в действие Уголовного Кодекса, понизившего уголовное совершенолетие и из'явшего таким путем из Комиссий много „дел“, и, следовательно, свидетельствуют об органическом, а не механическом сокращении детской беспризорности. Аналогичные сведения поступают в центр почти из всех провинциальных Комиссий.

Бесспорно, на улучшении положения ребенка отразилось в первую очередь общее налаживание хозяйственной жизни Р.С.Ф.С.Р. Но роль Комиссий, их действенное участие в борьбе с детскоїї беспризорностью остается вне спора. При этом необходимо учесть, что в выборах средств борьбы Комиссии всегда были ограничены. Наиболее соответственными задачами воспитания, а порой и перевоспитания ребенка является помещение его в специальное медико-педагогиче-

ское учреждение. Но число их крайне ограничено: всего таких учреждений в распоряжении Комиссий по всей Р.С.Ф.С.Р. не менее 500. Комиссии вследствие этого часто вынуждены заменять помещение в специальное учреждение отдачей ребенка родным и т. п. с явным ущербом для дела.

При таких условиях, казалось бы основная задача момента—помочь Комиссиям в их работах созданием нужного числа вспомогательных учреждений. Советская Россия неоднократно на деле доказывала свое исключительно бережное отношение к детям. В годы разрухи и всеобщего недоедания дети всегда первыми получали помощь со стороны государства. Казалось бы, теперь, когда жизнь налаживается и хозяйственное положение ежедневно улучшается, начатая еще в 1918 г. работа получит должное завершение и провозглашенный лозунг — „суды и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних (до 18 л.) упраздняются“— найдет осуществление в системе мер и учреждений, спасающих детей и ограждающих детство. К сожалению, приходится отметить обратное явление: авторитет и функции Комиссий за вторую половину 1922 г. понесли значительный ущерб.

Здесь прежде всего необходимо отметить понижение уголовной зрелости, введенное новым Уголовным Кодексом. Согласно ст. 3 постановления 4-го марта 1920 г. несовершеннолетними, в отношении которых суд и тюрьма упраздняются, оказывались лица, не достигшие 18 лет. Согласно ст. 18 Угол. Код. „наказание не применяется к малолетним до 14 л., а также ко всем несовершеннолетним от 14 до 16 лет, в отношении которых признано возможным ограничиться мерами медико-педагогического воздействия“. Т. о., несовершеннолетние в возрасте от 16 до 18 л. были определенно изъяты из ведения Комиссий и переданы общим судам. Правда, позднее, 31 октября 1922 г., для этой группы (16—18 л). было введено пониженное наказание; согласно ст. 18 б. Уг. Код. (ред. 23 г.) „для несовершеннолетних от 16—18 лет налагаемое судом наказание подлежит обязательному снижению на одну треть против наивысшего установленного сответствующими статьями предела“. Но не говоря о том, что во всех случаях, (а таковых большинство в Кодексе), когда в законе установлен не максимум, а минимум наказания, это

снижение может оказаться иллюзорным—существо не в м е р е воздействия, а в его к а ч е с т в е: суд и тюрьма вопреки постановлению 4 марта 1920 г. не упраздняются, а восстановляются для огромной массы несовершеннолетних в возрасте 16—18 лет. Если учесть, что эта возрастная группа охватывает не менее $^1/_3$ всех несовершеннолетних, привлекаемых за нарушение, т.-е. составляет приблизительно 30.000 человек, и допустить, что лишь одна треть этого количества, 10.000 чел., потребует изолюции, то и тогда неотложно важный вопрос—куда их размещать. Тюрьмы переполнены. Согласно официального отчета Гл. Упр. Мест. Заключения Н.К.В.Д. в 1922 г. плотность мест заключения (при нормальных 100) по всей Р.С.Ф.С.Р. выражалась в следующих цифрах:

Исправит. труд. дома	123,3
Дома предварит. заключ.	121,6
Места заключения без точн. наименования	131,4
Пересыльные, карантины и др.	107,4

Для несовершеннолетних имеется согласно того же отчета 4 трудовых дома с числом штатных мест в 531 и 1 трудовая колония на 50 чел. „Особые отделения для несовершеннолетних, существующие при некоторых тюрьмах, (в частности в Москве при Таганской тюрьме), на деле совершенно не обеспечивают „отделенія“ детей от взрослых. При этих условиях п о с т р о й к а н о в ы х т ю р е м взамен организации медико-педагогических учреждений при Комиссиях,—вот неизбежный и печальный результат новых форм борьбы с детской преступностью. Не надо быть скептиком, чтобы усомниться в положительных результатах такой борьбы.

Между тем, разрыв с постановлением 4-го марта 1920 года на этом не остановился. Словно по инерции, движение от упразднения тюрьмы и судов для несовершеннолетних к постройке для них новых тюрем пошло далее: согласно новой редакции ст. 18, (принятой на IV Сессии В.Ц.И.К'а 31 окт. 22 г)., наказание не применяется ко всем несовершеннолетним от 14 до 16-ти лет „в отношении которых с у д о м будет признано возможным ограничиться мерами медико-педагогического воздействия“. С установлением этого порядка фак-

тически уголовная зрелость, по крайней мере на все время до суда, попизплась еще на 2 года, ибо дети от 14—16 лет лишь судом могут быть направлены в Комиссии для медико-педагогического воздействия; следовательно, до суда, во всей, порой длинной, стадии предварительного следствия ребенок оказывается в таком же положении, что и взрослый. Он является на суд уже прошедшим некоторый тюремный стаж. И даже в лучшем случае, когда суд „признает возможным ограничиться мерами медико-педагогического характера", эти меры придется принимать в отношении уже не беспомощного беспризорного, а побывшего в тюрьме и искалеченного тюрьмой ребенка. При этих условиях в какой степени осложняется и затрудняется и без того нелегкая задача медико-педагогического „воздействия"!

Борьба с детской беспризорностью—вопрос не благотворительности или человеколюбия: это насущная задача власти. Преступность непреодолима, если у корня не пресечь притока свежих кадров презирающих закон. Организация одного трудового убежища для детей предохраняет от устройства пяти новых тюрем, ребенок же 14—16 лет, квалификацией закона превращающийся в „преступника", имеет все шансы в кратчайший срок им действительно сделаться.

В настоящее время Наркомпросом возбужден пред В.Ц.И.К'ом вопрос об изменении редакции ныне действующей ст. 18. Можно выразить твердую уверенность в том, что вопрос этот будет разрешен в положительном смысле. Беспризорные дети в огромном большинстве пролетарские дети. И, конечно, пролетарская власть к их судьбам равнодушной не оставалась и не останется.

А. Трайнин.

Опека, как мера предупреждения детской беспризорности.

Дореволюционное законодательство устанавливало „родительскую власть“, которая распространялась „на детей обоего пола и всякого возраста“ с редкими исключениями (Св. Зак. т. X, ч. I, ст. 164). Новое право не знает родительской власти, мы заменили ее „родительскими обязанностями“, которые по советскому законодательству состоят в том, что оба родителя совместно [1]) и по общему согласию [2]) заботятся о своих недостигших совершеннолетия [3]), т.-е. 18-летнего возраста, детях, охраняют и защищают все их личные и имущественные права и интересы [4]). Родители обязаны держать своих детей при себе [5]), содержать их, воспитывать и подготовлять к полезной, т.-е. трудовой деятельности [6]).

По общему смыслу нашего законодательства о несовершеннолетних, государство является высшим опекуном каждого ребенка; часть своих обязанностей по попечению над подрастающим поколением оно передает родителям, предупреждая, что лишит их права содержать при себе и

---

[1]) Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, утвержденный В.Ц.И.К. 16 сентября 1918 года, Собр. Узак. № 76—77 за 1918 г. ст. 150.

[2]) Там же ст. 151.

[3]) Гражданский Кодекс 1922 г. ст. 7.

[4]) Кодекс 1918 г. ст. 155.

[5]) Там же ст. 156.

[6]) Там же ст. 154.

воспитывать своих детей [7]), если они осуществляют свои родительские обязанности неправильно, т.-е. не в интересах детей и несообразно тем началам, которые должны быть, по мнению советской власти, положены в основу воспитания и образования будущих граждан Советской России.

Таково положение при обычных условиях, т.-е. когда у детей имеются родители; они воспитают их и подготовят к полезной деятельности, но, благодаря долгим годам империалистической и гражданской войны, голода, эпидемий и разрухи, в настоящее время повсюду имеется громадное число осиротелых семей или детей, оторванных каким-либо несчастным случаем или стечением обстоятельств от своих родителей. Как поступить в этом случае? Всем им заменить родителей должна о п е к а.

Чтобы иметь хотя некоторое приблизительное представление о числе детей, нуждающихся в опеке, приведем несколько цифр.

В Кубано-Черноморской области по исчислению, произведенному в начале 1921 года, на три миллиона приблизительно жителей оказалось сирот немного более 30 тысяч. В Миасском уезде, Челябинской губернии в конце того же года взято на учет 5.830 сирот и полусирот [8]). В городе Елабуге (Татарская Республика) в том же 1921 году осенью было на 5 тысяч детей обоего пола в возрасте 3—16 лет, 350 сирот и 1.200 полусирот, т. е. 7% первых и 24% вторых. Мы не ошибемся, если будем считать, что число сирот во всех местностях в среднем равно одному или полутора процентам от всего количества населения, что на С. С. С. Р. составит полтора—два миллиона детей и подростков.

Кроме сирот, в одинаковом положении с ними находятся вследствие разных причин и те несовершеннолетние, которые, хотя и имеют в живых одного или обоих родителей, но утратили с ними связь, потеряли их во время войны; например, родители остались по ту сторону фронта и не мо-

---

[7]) Там же ст. 153.

[8]) Доклад Е. К. Куприной — работника Опытной Станции Детской Социальной Инспекции Гл. Упр. Соц. Воспитания Нар. Ком. Проса в Москве.

гут ни приехать за детьми, ни получить их к себе, или отец, единственный из родителей, оставшийся в живых, находится до сих пор в той стране, где он был в плену. На положении сирот окажутся и те полусироты, у которых единственный живой родитель страдает такой хронической или острой болезнью, которая лишает его возможности выполнять свои родительские обязанности по отношению к детям (например, сумасшествие). Сказать, сколько в настоящее время у нас таких детей и подростков, без специального учета невозможно, но из того, что в детских домах, на ряду с сиротами, (немного более 50% всех воспитывающихся детей), числится почти столько же полусирот и детей, имеющих в живых обоих родителей, ясно, что общее число несовершеннолетних, нуждающихся в заботах о них со стороны государства, приблизительно равно 2—3% общего числа населения, т.-е. по С. С. С. Р. составит от 2.700.000 до 4 миллионов детей и подростков.

Каким же образом государство может осуществить свои обязанности по отношению к этому громадному числу детей и подростков, у которых или нет родителей, или имеются родители, но они не могут или плохо выполняют свои обязанности? Государство чрез свои органы, Отделы Народного Образования [1]), учреждает над ними опеку: всякий несовершеннолетний, не находящийся на попечении родителей, подлежит опеке [2]). Опека осуществляется двумя способами: или несовершеннолетний помещается в детский дом, колонию, школу-коммуну и т. п., или к нему назначается для выполнения тех же обязанностей, которые лежат на родителях, специальное лицо—опекун.

Первый способ, называемый в законе об опекунском праве [3]) „непосредственным осуществлением опеки“, признается нашим законодательством наиболее подходящим и достигающим цели правильной подготовки подрастающего поколения, но создать достаточное количество детских до-

---

[1]) Декрет от 2/XII—1920 г. об изъятии опеки из ведения Нар. Комиссариата Социального Обеспечения, Собр. Узак. № 93 за 1920 г.

[2]) Ст. 192 Кодекса 16 сент. 1918 г. Собр. Узак. № 76—77 за 1918 г.

[3]) Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г. Раздел IV „опекунское право“.

мов и других интернатов, (т.-е. учреждений социального воспитания для живущих в них детей), в настоящее время невозможно, так как это потребовало бы таких средств для оборудования и содержания их и такого числа воспитательского персонала, какими мы в данный момент не располагаем. Можно думать, что по всем республикам С. С. С. Р. сейчас в детских домах и интернатах воспитывается до миллиона детей и подростков, т.-е. около $^1/_3$ или $^1/_4$ нуждающихся в заботах государства.

Для остальных мы должны наиболее рационально и правильно поставить второй вид опеки, осуществляемый путем назначения специального лица—опекуна. Несомненно, выбор его имеет самое существенное значение. Если государство чрез свои органы, (Народный Суд), лишает родителей права воспитывать своих собственных детей, то поручать заботу о воспитании и подготовке будущих граждан Советской России оно должно только лицам, которые сумеют надлежащим образом выполнить возложенные на них обязанности. Кодекс 1918 г. предоставляет самому подопечному указать лиц, которых он желал бы иметь опекунами, а если опекаемый еще не достиг 14 лет, то предписывает назначить опекуном одного из близких родственников несовершеннолетнего, подлежащего опеке [1]). Всякий гражданин, назначенный опекуном Отделом Народного Образования, обязан принять эту должность [2]). Таким образом, опекунство является одною из государственных повинностей, от которой можно отказаться только в точно указанных в Кодексе случаях [3]), вследствие старости, болезни, наличия большой собственной семьи и т. п.

Близких родственников, вполне пригодных для несения опекунских обязанностей, может и не быть, и в этом случае гражданский долг должен подсказать всякому трудящемуся, чувствующему себя способным выполнить почетную обязанность подготовить надлежащим образом будущего строителя Советской России, прийти на помощь в этом деле. Отделы

---

[1]) Ст. 209 Кодекса.
[2]) Ст. 213.
[3]) Ст. 214.

Народного Образования не могут, конечно, знать, кто лучше сможет выполнить опекунские обязанности; обследование, которое предшествует учреждению опеки и назначению опекуна, выясняет обыкновенно большую или меньшую пригодность того или или другого из намеченных лиц, но так как круг этих лиц весьма ограничен и в него могут попасть только те, которых знает подопечный или живущие с ним, то было бы гораздо целесообразнее, чтобы профессиональные союзы, комитеты партии, женотделы, ячейки, фабрично-заводские комитеты, крестьянские союзы взаимопомощи и проч. органы рабочей общественности рекомендовали Отделу Народного Образования тех, которые могут взять и правильно выполнить обязанности опекуна над несовершеннолетним.

Надо агитировать в этом направлении самым энергичным образом, потому что многие не осведомлены о важном значении опеки, о целях ее и задачах, о тех обязанностях, которые лежат на опекуне, и совершенно не подозревают, что государство нуждается в том, чтобы ему была оказана отдельными гражданами помощь в деле воспитания и подготовки к полезной деятельности большого числа детей и подростков.

Многих останавливает трудность обязанностей, возложенных на опекунов, они боятся не справиться с ними, но в этом им помогут Отделы Народного Образования. Нельзя отрицать, конечно, что воспитание детей дело нелегкое и требует много внимания и труда; но если государству нужна помощь в этом деле, то она должна быть оказана и правильно понятые обязанности гражданина Советской Республики должны заставить каждого исполнить свой долг— не дать сироте или другому ребенку, лишенному возможности получить воспитание, умереть или превратиться в бездомного бродяжку, будущего паразита или преступника.

Так называемая моральная статистика цифрами самым красноречивым образом доказывает, что дети-сироты, лишенные надлежащего попечения, легко попадают на путь правонарушения и беспризорности. В этом отношении нет разницы между Россией дореволюционной и Советской. То же наблюдается и на Западе, и в Америке, повсюду.

Семейное положение детей „преступников“, поступивших в исправительные колонии, по данным Главного Тюремного Управления за 1911—1915 год было таково:

	абсолютн. числа.	средний %.
Подростки, у которых живы оба родителя	3.829	45
„ сироты, полусироты и внебрачные	5.063	55

Обследование одного исправительного приюта для мальчиков—правонарушителей в 1916 году дало такую картину их семейного положения:

круглых сирот	10%
отец умер	30%
отец бросил семью	10%
оба родителя живы или жив один отец . .	50%

Если бы моральная устойчивость была одинакова среди сирот, полусирот и детей, воспитываемых обоими родителями, то процентное отношение клиентов исправительных заведений должно было бы быть такое же, как и для детей всего населения, то-есть сирот в этих учреждениях должно было бы быть 3—4%, полусирот 10—15%, а тех и других самое большее 20%, а не свыше половины, т.-е. 50%.

Еще более резким подтверждением легкого вовлечения в преступления подростков сирот и полусирот являются данные Трудового Дома для подростков в Москве (за 1922 г.). Из 140 воспитанников:

круглых сирот, не имеющих родственников. .	12,5%	28,6%
„ „ имеющих „ . .	16,1%	
полусирот, имеющих только мать	26,7%	33,9%
„ „ „ отца	7,2%	
подростков, имеющих в живых отца и мать. .	37,5%	

Таким образом перед обществом стоит дилемма: 1) или напрячь все силы к тому, чтобы всякий ребенок сирота или лишенный попечения о нем родителей получил надлежащее воспитание в дет. доме или у опекуна, или 2) оставить ребенка в том положении, в котором он находится у „благотворителей“, кормящих его из милости и за это эксплоатирующих его. заранее зная, что громадный % оставленных

без надлежащего попечения о них государства детей превратится в беспризорных, потом правонарушителей, а впоследствии, по достижении совершеннолетия, вероятно, преступников, на содержание которых в тюрьмах придется тратить немалые средства.

Перспектива эта должна заставить каждого сознательного гражданина Республики помочь делу опеки, так как только при надлежащей постановке ее, возможно удовлетворительное разрешение вопроса о все растущей детской беспризорности „преступности".

Что же требуется для правильной постановки опеки? Прежде всего обнаружение всех детей и подростков, нуждающихся в опеке, и во-вторых, надлежащий надзор за опекунами, условиями содержания и воспитания подопечных и управления их имуществом. И в том, и в другом Отделы Народного Образования без помощи общества правильно выполнить свои обезанности не смогут: это потребовало бы таких расходов, которые не может выдержать ни государственный, ни местный бюджеты.

Для нас крайне важно, чтобы ребенок, осиротевший или по другой причине лишившийся забот родителей или опекунов, не оставался без надлежащего о нем попечения более или менее продолжительный срок; это имеет значение и для воспитательных целей, и для охраны его имущественных прав. Само собою понятно, что Отдел Народного Образования через своих сотрудников не может более или менее быстро узнать о таком положении ребенка, если ему своевременно не сообщат должностное лицо или учреждение, которые могут узнать об этом по роду своей деятельности, или местные жители; последним это проще и легче всего.

Как бы хорошо ни были организованы государственные учреждения, официальный порядок сношений требует известного времени, в течение которого интересы ребенка могут пострадать. Поэтому-то необходимо, чтобы каждый гражданин немедленно давал знать в Отдел Народного Образования о всяком ребенке или подростке, не находящемся на попечении родителей или опекуна. Особенно могли бы быть полезны в этом деле члены Р.К.С.М., узнавая через своих товарищей, членов семьи и соседей о не-

совершеннолетних, нуждающихся в опеке. Не менее ценны были бы в этом деле помощь и содействие фабзавкомов, Женотделов и проч.

Получив уведомление о необходимости назначить опеку над несовершеннолетними, Отдел Народного Образования должен командировать для обследования его и принятия самых первоначальных мер охраны его личных и имущественных интересов и прав одного из своих агентов, (детского социального инспектора или обследователя-воспитателя), но недостаток в этих лицах часто затрудняет О. Н. О. или отдаляет время производства обследования. И тут общественные организации могли бы и должны придти на помощь, выделив из своей среды добровольцев, которые, будучи надлежащим обрязом инструктированы Отделом Народного Образования, помогут ему в производстве необходимых обследований.

Выше мы говорили, что задачи опеки не ограничиваются заботой о личности подопечного, о его воспитании; на ней лежит задача охраны имущественных прав и интересов подопечного; в связи с новой экономической политикой эта сторона деятельности опеки приобретает особо важное значение вследствие того, что доходы от имущества опекаемых дают возможность сокращать расходы государства на содержание и воспитание подопечных (до 15% подопечных могут существовать и воспитываться исключительно на свои средства и столько же на свои доходы с прибавлением социального обеспечения). Заботы об имуществе возникают с самого первого момента сиротства; необходимо выяснить, что принадлежит несовершеннолетнему, принять через Народный суд меры охраны наследства, затем принять наследство, совершить раздел с другими взрослыми сонаследниками, если они имеются, и казною, если наследство оценивается свыше 10 тысяч рублей золотом, (не считая предметов домашнего обихода, арендных, застроечных и концессионных прав); наконец, надо управлять имуществом, то-есть хранить его, заведывать им, в известных случаях продать его полностью или в части и т. д.

Все это органы Народного Образования силами исключительно своих платных сотрудников без помощи опекунов

сделать не могут. Управление имуществом возлагается на опекунов, испрашивающих в надлежащих случаях указания и разрешения Отделов Народного Образования. Какое поэтому важное значение имеет правильный выбор опекуна, ясно само собою. И также очевидно, что только при надлежащем надзоре со стороны Отделов Народного Образования они могут быть уверены в том, что выполнены возложенные на них Кодексом обязанности по защите и охране имущественных прав и интересов подопечных. Для осуществления такого надзора за опекунами при большом числе опек, (по несколько тысяч в больших городах)—число детских социальных инспекторов крайне недостаточно. А так как на заметное увеличение числа их в ближайшем будущем рассчитывать нельзя, то и в этом деле рабочая общественность должна придти на помощь, принимая на себя обязанности по обследованию состояния имущества подопечных и порядка хранения его и управления им.

Тогда для педагогического надзора за подопечными у Отделов Народного Образования останется больше сил и надзор этот будет вполне осуществлен.

Для правильной постановки дела опеки над несовершеннолетними необходима широкая помощь организованной рабочей общественности: в городах делу опеки помогут Профессиональные организации, Женотделы, Фабзавкомы, Комсомолы и др.; в сельских местностях, кроме того, крестьянские союзы взаимопомощи.

Они помогут выяснить всех детей и подростков, которые нуждаются в опеке, не находятся на попечении родителей и опекунов.

Они чрез добровольцев, выделенных из своей среды или ими рекомендованных, помогут произвести необходимые до назначения опеки обследования положения сирот и других, нуждающихся в опеке детей и подростков, охранить их имущество, оказать самую первую помощь осиротевшему или по другой причине лишившемуся попечения ребенку.

Они выделят из своей среды или рекомендуют совершеннолетних сознательных граждан, которые возьмут на себя выполнение обязанностей опекунов, воспитают надлежащим образом под руководством Отделов Народного Образования

сирот и других детей, которых не удалось поместить в дет. дома, и будут управлять их имуществом.

Они, наконец, помогут Отделам Народного Образования осуществить тот необходимый надзор за деятельностью опекунов, без которого опека теряет всякий смысл и часто ведет не к улучшению положения ребенка, а к его эксплоатации и обогащению опекуна.

Только правильно поставленная опека является средством, предупреждающим беспризорность, и для правильной ее постановки ни один сознательный гражданин не должен отказываться от той работы, которую он может выполнить.

С. Зилов.

Организуйте труд.

Что надо дать беспризорным детям?

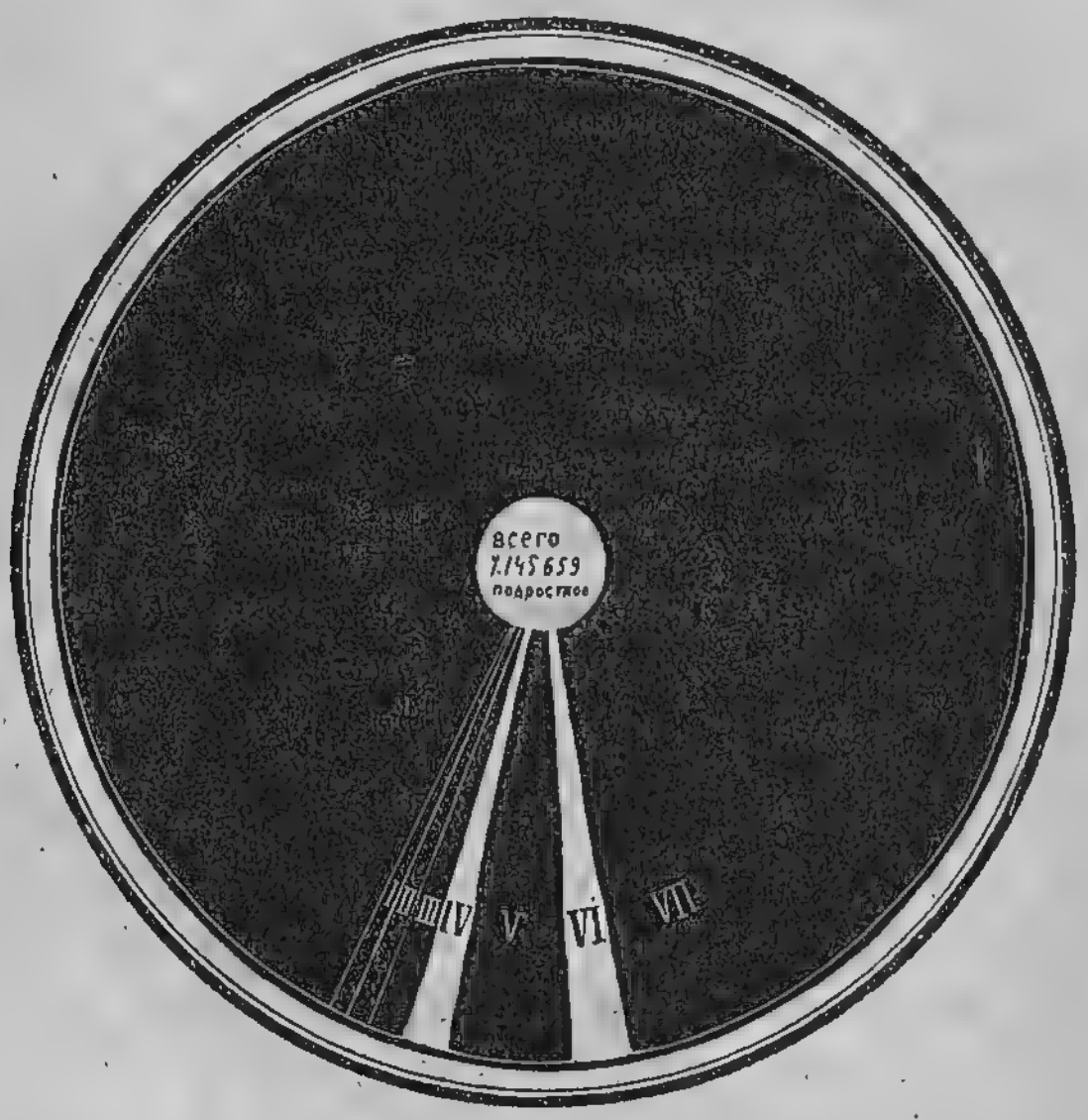
Приют, пищу, одежду, воспитание. Но государство не может им это дать. Слишком тяжка была язва царизма, нельзя ее так быстро изжить. Перед нами стоят невероятные подавляющие цифры: 6.278.160 подростков, лишенных школ.

Из общего числа детей в возрасте 13—17 лет, достигающего у нас в Р.С.Ф.С.Р. (без автономных республик) 6.836.180 человек (мальчиков и девочек), пользуются школой лишь 558.020 человек.

Всего на всего обслужено 558.020 подростков. А за бортом школы стоит 6.278.160 подростков, школой необслуженных.

Подождите, скажут нам, ведь тут идет явная передержка. Ведь из числа подростков, лишенных школы далеко не все беспризорные. Ведь у многих из них есть кров, есть родные, другие служат в учреждениях, у хозяев, у ремесленников. Нельзя же их всех считать беспризорными. Верно, огромное большинство из этой 6-ти миллионной армии детей, лишенных школы кое-как прокармливает себя, а то и своих инвалидных родственников своим трудом. Но какою ценой. „Хозяин", бросая подростку скудный заработок, извлекает из сил ребенка все, что от него беззащитного, стоящего перед угрозой быть выброшенным на улицу взять можно. А они—боясь этой улицы, (пока они ее еще боятся),—особенно девочки скрывают даже часто от комсомольцев весь ужас своего положения, даже, говорю, от комсомольцев, которые с самоотверженной энергией стараются защитить

КОЛИЧЕСТВО ПОДРОСТКОВ ОБСЛУЖИВАЕМЫХ ПРОСВЕТИТЕЛЬН. УЧРЕЖДЕНИЯМИ ПО ВСЕЙ РОССИИ НА 1 АПРЕЛЯ 1922 Г.



ИТОГО
I ОПУ 22 043
II ШКОЛЫ-КЛУБЫ И ШК. КОММ. 96 621
III СЕМИЛЕТКА 50 000
IV ДЕТДОМА 70 000
V ШКОЛЫ I СТ. 334 689
} 592 911
VI ГЛАВПРОФОБР 87 473
VII НЕОБСЛУЖЕНО 6 552 748

ГРАМОТНОСТЬ ПОДРОСТКОВ

СВЕДЕН НА 28 АВГУСТА 1920 Г.

СЕЛЬСКИЕ ПОДРОСТКИ

3.450.464 — 2.663.898

ВСЕГО 6.114.362

ГОРОДСК. ПОДРОСТКИ

ГРАМОТНЫЕ — НЕ ГРАМОТНЫЕ

907.583 — 793.714

ВСЕГО 1.031 937

своих братьев и сестер. И опасения этих боязливых подростков далеко не излишни. Все большее и большее число их буквально выбрасывается на улицу и должно торговать, воровать или проституировать хлеба ради насущного и холодать и голодать безнадежно...

Что же делать? Учреждения Правовой охраны несовершеннолетних, долженствовавшие по идее принимать к себе детей и подростков, действительно выброшенных на улицу на короткое время за тем, чтобы потом передавать их в постоянные образовательно-воспитательные учреждения, за недостатком последних закупорились безнадежно и стали разлагаться в педагогическом смысле.

Больше принимать ни подростков, ни детей некуда, больше их держать в приемниках и распределителях нельзя: иначе им отсюда единственный выход к дефективным, а там тоже все переполнено...

Учреждения Правовой охраны—как ни ничтожно их число, или скорее тем более, что число их ничтожно, необходимо немедленно раскупорить, а, следовательно, необходимо организовать такие учреждения куда детей можно с педагогической точки зрения сдавать. Учреждения. А средства откуда? Послушаем голоса некоторых товарищей с мест.

На 4-й месяц после организации столярной мастерской (из отчета дома подростков Азербейджана) она перешла на хозяйственный расчет. Из наиболее крупных расходов, сделанных из сумм доходов мастерской, приведем следующие:

1) Уплачено 26.000.000 руб. за изготовление новых инструментов.

2) Уплачено 36.500.000 руб. за лес и его доставку.

3) Приобретено на 5.000.000 р. инструментов.

4) Выдано 4.000.000 р. премий воспитанникам.

(Отчет с 1 января по 15 апреля 1922 г.)

Откуда такие доходы? „Через месяц после начала функционирования мастерская стала принимать платные заказы преимущественно для разных учреждений „местного ОНО“, а в настоящее время (через три слишком месяца) она до того изобилует заказами как от учреждений, так и от частных лиц, что пришлось установить очередь для выполнения заказов“.

В последних числах марта при доме организована швейная мастерская. Сапожная на несколько дней позже. „Сапожная оборудована на 8 мастеров и 30 человек учащихся. Швейная на 5 мастериц, 45—50 человек воспитанниц. Швейная и сапожная мастерские также переведены на хозяйственный расчет".

„Всякий выпуск заказов сопровождается таким торжеством и всякая законченная вещь вызывает на лицах воспитанников столько искренней радости", что автор доклада ститает, что организацией этой производственнной коммуны подростков он разрешил труднейшую и сложнейшую проблему воспитания подростков, обосновав все дело на педагогически выдержанном и практически целесообразном творческом труде".

Размеры заметки не позволяют мне сделать выписок, характеризующих взаимоотношения этого труда с делом образования и воспитания подростков, так как это учреждение пытается разрешить в полном объеме научную проблему воспитания детей отроческого возраста. Заканчивая свой отчет, автор говорит о ближайшем намерении „открыть ряд таких производственных домов по всему Азербейджану"... „извлечь всех подростков из детских домов, где они проводят беспечно ленивую и преступно бездельную жизнь" и сюда же вырвать всех бездомных, уличных, юных „воришек" и „хулиганов", чтобы постепенно сделать из них таких же радостных труженников, все повышающихся в своей квалификации, коими являются воспитанники первого производственного дома коммуны подростков Азербейджана.

Такое же энергичное заявление о выдвинувшихся в настоящее время самой жизнью на первый план школах-клубах подростков земледельческого типа делает заведующий ОНО области немцев Поволжья: „вопрос очередной—восстановление народного хозяйства и поскольку разрешение этого вопроса падает на рабочих подростков 16—18 лет, они должны первые приступить к этой работе, а потому им в первую очередь мы должны отвести возможность получить знание"... „необходимость в открытии школ-клубов возрастными группами никогда так сильно не стучалась в ОНО как теперь". „Настал земледельческий и промышленный

период, а потому и помимо Главсоцвоса такие производственные школы-клубы создаются сами собой".

Не будем больше делать больших выписок из отдельных мест. Приведем еще только одну выписку из газеты „Правда" из заметки: „Дети голода по материалам деткомиссии при ВЦИК". „Необходимо отметить" говорится в конце заметки „особый метод помощи, практикующийся на местах: это преобразование ряда детских учреждений в самостоятельные в хозяйственном отношении единицы путем организации новой и путем укрепления уже существующей сети производственных мастерских и сельско-хозяйственных колоний. В ряде губерний такие колонии и мастерские не только оправдывают себя, но и поддерживают другие соседние учреждения.

Государственная, общественная и иностранная помощь таким производственным ячейкам значительно помогла бы ликвидировать дело детской беспризорности".

Подытоживая все вышесказанное, мы должны признать, что самая трудная в педагогическом смысле группа детей, группа подростков дает возможность построения наиболее прочных и жизненных форм детских учреждений, построенных на хозяйственном расчете. А раз так, раз хозяйственная база дает средства существования таким организациям, само собой разумеется, что строить их необходимо таким образом, чтобы воспитательно-образовательная сторона их стояла на должной высоте. Производственные школы-клубы подростков, производственная коммуна подростков как сельско-хозяйственного, так и ремесленного типа должны сделаться тем организационно-просветительными центрами, около которых должны группироваться и на которые должны ориентироваться все другие учреждения для беспризорных подростков. В этих же центрах должны сосредоточиться наиболее сильные отряды комсомольцев, так как из таких пунктов они скорее всего могут и помочь делу подростков, и руководить его политико-просветительным развитием. Материальный вопрос в наше тяжелое в экономическом отношении время является решающим для судьбы целого ряда детских учреждений. Кажется как будто само собой подразумевающимся, что производственные организации подростков в форме школ-клубов, в форме производственных

коммун являются именно тем типом, который должен стать в центре всех предприятий для беспризорных детей. Такие сельско-хозяйственные организации для подростков, такие городские организации с мастерскими в ряде губерний не только оправдывают себя, но и еще поддерживают другие соседние учреждения. Какие? Наверно такие же учреждения, но уже с малолетними детишками дошкольного и юного школьного возраста. При подавляющей всякую работу скудости средств правильная организационная постановка основных этапов работы будет решать успех или не успех всей кампании. Поменьше шума, побольше дела. Затратив имеющиеся небольшие средства на укрепление и основание таких пунктов, которые через короткое время сами окупятся и начнут поддерживать более беспомощные по возрасту детские организации—правильное и единственно правильное направление нашей работы. Разгрузив детские учреждения от работоспособных, но паразитствующих по неволе рабочих подростков, мы сможем обеспечить в деле призора гораздо большее количество детей младшего возраста. И в то же время и с педагогической точки зрения мы будем правы.

Самый труд должен быть организован так, как у азербейджанцев, в Поволжье и проч. губерниях: повышая квалификацию подростка, входя в сознание подростка, как базу всего прорабатываемого им образовательного материала, он в то же время должен его всесторонне развивать и физически укреплять, но не истощая, а, так сказать, духовно развивая его организационные способности, как будущего — и в самом ближайшем будущем — строителя жизни нашей страны. Эти организации должны быть центральными. А около них и ориентируясь на них, следует создавать все, что в таком критическом положении, в каком мы находимся, создать можно и должно.

„Нужно широко открыть двери всех школ для бесшкольных подростков", предложили участники той конференции О. П. У., где мне пришлось сделать свой доклад о подростках. Нужно и должно. Нужно сделать и участниками всех вышеназванных занятий школьников, особенно библиотечных работ, всех школьных празднеств и проч., и проч. Нужно и должно. Но не забывать главнейшего. Где только

возможно, организовать труд. Нужно отвлечь наших уличных спекулянтов от торговли, открыть для них школы-клубы, мастерские, которые дадут им кусок хлеба и поднимут их квалификацию, как рабочего. Нужно и должно. Организуя подростков в производственные школы-клубы, где они еще сохранили связь с домом, нужно организовывать их в производственные дома подростков, дома—коммуны, где мы в силах дать подросткам приют на круглые сутки.

И такие организации надо поставить в центре всей остальной работы с подростками. Учение и профессия заманчивее для подростков всех елочных украшений, всех душераздирающих картин кинематографа. Наша передовая гвардия, наш комсомол рвется на подмогу в самые трудные пункты и самые трудные минуты.

Организуйте труд подростка и ставьте этот труд в центре всех образовательно-воспитательных работ с беспризорными!

Тезисы.

1. Производственные организации подростков в форме школ-клубов, в форме производственных коммун являются именно тем типом, который должен стать в центре всех предприятий для беспризорных детей. Такие сельско-хозяйственные организации для подростков, такие городские организации с мастерскими в ряде губерний не только оправдывают себя, но еще поддерживают другие соседние учреждения.

2. Производственный труд подростка в основе своей — образовательно-воспитательная работа; политическое развитие подрастающего рабочего населения базируется на производственном труде.

3. Такие организации надо поставить в центре всей остальной работы с подростками. Учение и профессия заманчивее для подростков всех елочных украшений, всех душураздирающих картин кинематографа. Наша передовая гвардия, наш комсомол рвется на подмогу в самые трудные пункты, в самые трудные минуты. Комсомольцы должны помочь организовать труд подростка и ставить этот труд в центре всех образовательно-воспитательных работ с беспризорными.

М. Белокопытова.

Неотложные практические мероприятия по охране здоровья подрастающего поколения.

Чрезвычайное осложнение жизни народных масс, связанное с мировой военной катастрофой и с обострившимися формами борьбы внутри всех государств мира перед человечеством поставило вопрос о неотложности выработки предупредительных мер против неизбежного при таких условиях понижения психо-физического здоровья населения, граничащего с явным вырождением. В настоящее время вряд ли кто сомневается в том, что основой человеческого общежития является производительный труд. Еще менее можно сомневаться в том, что для урегулирования человеческих взаимоотношений и для поднятия всей жизни на надлежащую высоту нельзя ограничиться трудом, но что необходимо вместе с тем организовать и коллективный труд.

Затронутые мною вопросы очень сложны и глубоки, и я не берусь в своей статье рассмотреть их по существу. Меня интересует другое. Можно ли говорить о создании нормального индивидуального и коллективного труда без создания той базы, на которой труд зиждется, т.-е., иными словами, без поднятия психо-физического здоровья людской массы. Вряд ли может быть два ответа на этот вопрос. Между тем эта мысль далеко еще не стала столь влиятельной, чтобы определять направление деятельности государственных и тем более частных хозяйственных органов. Всем известно, что л е ч е б н а я медицина, дающая облегчение в болезнях, не-

измеримо более высоко ценится и понимается людской массой по сравнению с санитарией, т.-е. предупредительной медициной. Между тем лишь широкая организация предупредительных мер против болезней обещает поднятие народного здоровья и укрепление производительных сил страны. И тем более успешны будут все эти предупредительные меры, чем ближе мы подойдем к организации мер, направленных к психо-физическому оздоровлению подрастающего поколения, в руках которого находится все будущее человечества. Очень ярко эту мысль выразила шведская писательница Эллен Кей в следующих словах: „Двадцатый век будет веком ребенка; люди поймут, наконец, душу ребенка, и тогда обновится социальный строй".

Отсюда становится ясным особо важное значение того дела, которое организуется Комиссариатом Здравоохранения, его местными органами и теми общественными силами, которые сосредоточены на работе в области охраны материнства и младенчества и охраны здоровья детей и подростков. Но задача оздоровления детства, конечно, не разрешима без согласованности в работе органов здравоохранения и просвещения и без вовлечения в эту работу широких рабочих масс, непосредственно заинтересованных в судьбе подрастающего поколения. Спрашивается, много ли сделано в этой области и что предстоит сделать.—Ответ ясен: практически сделано еще немного, дело только начинается и предстоит большая и настойчивая творческая работа. Но вместе с тем следует отметить и то, что вехи работы намечены уже достаточно четко, накопился весьма поучительный опыт, из которого видно, что оказалось жизненным и ценным и что утопичным или ошибочным. Была бы охота, нашлись бы действенные силы и поддержка со стороны государства и широких рабочих масс—и дело оздоровления детства теперь же можно было бы поставить на надлежащую высоту, несмотря даже на тяжелые материальные условия переживаемого момента. Работа по охране здоровья детей и подростков практически при благоприятных условиях должна выразиться в следующих основных формах:

1. В каждом более или менее населенном пункте, в котором имеется значительное количество открытых или закрытых дет-

ских учреждений, должна быть организована центральная детская амбулатория; в эту амбулаторию должны направляться в организованном порядке все дети для предварительного осмотра; результаты этого осмотра должны сообщаться воспитателям для того, чтобы они в своей работе с детьми могли пользоваться результатами осмотра для суждения о том, как следует обращаться с тем или иным ребенком, что для него посильно и что непосильно и т. д., на основании данных этих осмотров врачи дают указания о том, кого из детей следует лечить амбулаторно, кого следует направить в больницу или санаторию, кого следует усиленно подкармливать и т. п. В дальнейшем, время от времени все дети снова проводятся через амбулаторию для того, чтобы вести наблюдение за ходом развития детей, за результатами принятых мер и для того, чтобы своевременно дать дополнительные указания о том, какие меры следует принять для поднятия здоровья ребенка. Эта амбулатория должна установить тесную связь не только со всеми детскими учреждениями и воспитателями, но и с родителями, привлекая их к помощи в деле принятия практических мер для оздоровления детей; для этой цели в распоряжение врачей, работающих в амбулатории, должны иметься школьно-санитарные сестры, которые должны выяснять семейные условия жизни детей, проходящих через амбулаторию, распространять среди родителей под руководством врачей идею о необходимости принятия тех или иных практических мер для оздоровления детей и т. д. Мало этого, та же амбулатория должна установить вполне точные взаимоотношения с одной стороны с местными лечебными учреждениями для своевременного оказания детям лечебной помощи, а с другой, с местным отделом просвещения для своевременного принятия тех необходимых оздоровительных мер, которые входят в круг ведения местных органов Комиссариата Просвещения. При этой амбулатории должна быть организована не только помощь в поддержании физического здоровья детей, но и помощь в отношении ограждения детей от вредных влияний на их духовное развитие. Для разрешения этой последней задачи при всякой подобной центральной амбулатории должен быть организован

педологический кабинет с лабораторией для исследования хода духовного развития ребенка. В этом педологическом кабинете должно быть правильно поставлено не только всестороннее изучение ребенка, но и дача советов воспитателям о том, как следует подходить к обучению и воспитанию тех детей, которые оказываются особенно трудными в воспитательном отношении.

Подобная амбулатория является совершенно необходимой во всяком губернском и том или ином крупном уездном центре. Но, конечно, не исключена возможность организации такой амбулатории и в тех сельских районах, где на небольшой территории имеется более или менее значительное число школ и иных детских учреждений и где имеется налицо густое население. Устройство такой амбулатории представляет совершенно исключительные удобства для родителей и воспитателей при возникновении у них нужды в выяснении вопроса о том, что и как следует предпринять для оказания помощи и вообще оздоровления того или иного ребенка.

2. Для того, чтобы подобная амбулатория могла действительно разрешить стоящие перед ней большие общественно-практические задачи, она должна быть обеспечена достаточным количеством специального персонала (школьно-санитарные врачи, врачи по детским болезням и т. д.). Во главе всего этого дела должны стоять школьно-санитарные врачи, полностью отдающие все свое время и силы заботам о детях. Число школьно-санитарных врачей должно соответствовать числу обслуживаемых ими детей; в противном случае им будет трудно сделать для оздоровления детей все то главное, что требуется самой жизнью. Для того, чтобы эти врачи могли действительно полностью отдаться этому большому и важному делу, они, а равно и их помощники, сестры и другие, должны быть в достаточной мере обеспечены материально. Эти врачи, кроме работы в амбулатории и кроме руководства школьно-санитарными сестрами, ведут большую работу по выяснению санитарных нужд детских учреждений, по выработке практических мер к оздоровлению зданий детских учреждений и пр. Таким образом, они являются практическими советчиками для школы, для воспитателей и родителей во всех тех случаях, когда необходимо

принять те или иные меры для оздоровления детской жизни и их труда. Они же ведут через школу, через школьников, через родителей и воспитателей санитарное просвещение с целью проведения в народные массы научных сведений о мерах охраны здоровья детей и подростков.

3. Особое внимание школьно-санитарных врачей должно быть направлено на борьбу с детской беспризорностью и с тем ужасным явлением, которое слывет еще и поныне под старым термином „детской преступности“ и „детского бродяжничания“. В связи с чрезвычайными осложнениями жизни и напряженной борьбой за существование число случаев привлечения детей в Комиссии по делам о несовершеннолетних растет; дети и подростки различных возрастов обнаруживают явные признаки усовершенствования в своих антисоциальных деяниях (кражи, насилия, азартные игры, различные виды ловкого мошенничества, проституция и т. д.). Близкое участие врача специалиста в борьбе с этим бедствием нашего времени является совершенно необходимым, так как только врач во многих случаях может подойти к пониманию причин тех или иных антисоциальных детских деяний, которые часто зависят от болезней (главным образом нервных и душевных), от тяжелой наследственности и т. п. Кроме того, всякий школьно-санитарный врач, ведущий свою работу с детьми, главным образом, школьного возраста, более чем кто-либо иной привыкает разносторонне понимать детей в их различных проявлениях.

4. Допустим, что в каком-либо месте удалось устроить вышеуказанную амбулаторию, пригласить подходящий персонал (врачей, сестер социальной помощи и т. д.), установить правильные взаимоотношения между органами здравоохранения и просвещения. Спрашивается—все ли сделано для того, чтобы охрана здоровья детей и подростков была обеспечена всем необходимым.—Конечно нет. Для успеха дела необходимо иметь хотя бы некоторое число следующих детских учреждений, куда можно бы направлять детей по заключению детской амбулатории: а) детская диэтическая столовая, по возможности школа на открытом воз-

духе, в которой детям, особо нуждающимся по своему здоровью в усиленном питании, давалось бы дополнительное питание, б) санатория для туберкулезных детей; в) лесная школа, для обучения тех детей, которые нуждаются во временном пребывании на свежем воздухе, во избежание развития у них чахотки, г) школа-санатория или школа-лечебница для неуравновешенных нервных детей, душевно больных и неизлечимых. Само собой разумеется, для оказания общей медицинской помощи больным детям должны иметься на местах лечебные заведения. Если бы на местах удалось общими усилиями населения и всех местных государственных и общественных органов осуществить то, что мною в кратких чертах описано, можно было бы более или менее спокойно смотреть на будущее подрастающего поколения. В самом деле, сознательно сделанный первый шаг в этом направлении, обнаруженная твердость со стороны населения в дальнейшем намечают цели и активность в изыскании средств на поддержание этого большого дела несомненно даст в скором времени убедительные результаты и толкнет общественную самодеятельность на новые достижения в этой области.

Жизнь не стоит на одном месте. Будущее в руках нашего подрастающего поколения. Дайте ему возможность нормально развиваться. Вмешайтесь в дело оздоровления детской жизни не безответственными указаниями детям на их ошибки, не одним лишь нежным родительским уходом за ребенком при его болезни, а сознательным участием во всей системе общественно-оздоровительных мероприятий. Наступило время быть всем кузнецами своей судьбы.

Проф. А. С. Дурново.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Москва, Изд. „КРАСНАЯ НОВЬ“ при Главполитпросвете.

Торговый сектор Издательства:

Москва, Милютинский пер., д. 22, кв. 48.

Экспедиция Издательства:

Сретенка, 8.

Все издания имеются в книжном магазине „СЕРП и МОЛОТ“, Театральная площадь, 2-й дом Советов, и во всех книжных магазинах г. Москвы.